

Александр Беляев

Дороги изнанки

Skleněný
mustek
2015

Александр Беляев

Дороги изнанки

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Александр Беляев 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-7534-009-2

Содержание

ГЛАВА 1 ЕЩЕ ОДНО ПРОБУЖДЕНИЕ

ГЛАВА 2 ВИЗИТ К ДОКТОРУ ЛЕВИНУ

ГЛАВА 3 ПРОВАЛ В ПРОШЛОЕ

ГЛАВА 4 ДРУГАЯ ПОЛОВИНКА

ГЛАВА 5 ОГНЕВИЦА

ГЛАВА 6 РАССКАЗ ОГНЕВИЦЫ

ГЛАВА 7 ШЕОЛЫ. ПРОПУЛК

ГЛАВА 8 ШЕОЛЫ. УКРАВАЙР

ГЛАВА 9 ШЕОЛЫ (ГВЭГР)

ГЛАВА 10 СЛЕД ВАРФУШИ

ГЛАВА 11 ВОЗВРАЩЕНИЕ

ГЛАВА 12 БРАТ И СЕСТРА

ГЛАВА 13 АНОМАЛЬНЫЕ ЗОНЫ

ГЛАВА 14 В ГОСТЯХ У ЮРЫ

ГЛАВА 15 БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

ГЛАВА 16 ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ, ЧЕРВОТОЧИНЫ

ГЛАВА 17 ШУШМОРСКОЕ УРОЧИЩЕ

ГЛАВА 18 СТАРОЕ ЗЕРКАЛО

ГЛАВА 1

ЕЩЕ ОДНО ПРОБУЖДЕНИЕ

Аня сидела у окна и глядела на чудесный, залитый светом сад, когда дверь неожиданно открылась, и в комнату ворвался он, Андрюша Данилов, тот, кого она ждала все эти дни... или годы... она не помнит – что-то с памятью. Потом был неумелый детский поцелуй, что при этом говорила она, что он, что они делали – снова провал, очнулась она только от странного звука – это соприкоснулись его ониковый медальон (она его когда-то сама ему подарила) и ее ожерелье из розового жемчуга и кораллов (это уже он достал их со дна моря Вечности). От этого соприкосновения что-то вспыхнуло, словно замкнуло провода под напряжением, затем яркая вспышка... полет... забвение.

Она открыла глаза и увидела лицо того же Андрея, повзрослевшего... да чего там, постаревшего лет на пятнадцать-двадцать, а на губах все еще память неумелого поцелуя мальчишки, а этот, взрослый мечтательно и растерянно улыбается, словно просит прощения за то, что поцеловал ее во сне, без позволения. Но почему она лежит в таком странном помещении... рядом какой-то мерцающий пульт, провода, низкая металлическая кровать, покрашенные безвкусной голубой краской стены, желтый потолок в разводах. Она все это где-то видела... а он все смотрит и смотрит на нее, словно не видел тысячу лет...

Еле приметен
памяти след,
я тебя знаю
тысячу лет...

Откуда эти строки? Что-то чрезвычайно знакомое и незнакомое одновременно! Кажется, он хочет что-то сказать...

И тут она просыпается, но уже у себя дома... по крайней мере это ее кровать! Но кто это над ней склонился? Смотрит сочувственно в глаза с таким знакомым выражением лица, такого дорогого... ах, ну да, это все тот же Андрюша, и она много раз видела его во сне.

А откуда он взялся в ее квартире? Или это опять продолжение сна?

Аня окончательно разлепила глаза. В зашторенную комнату пробивался мутный свет, но фигура Андрея явственно вырисовывалась на фоне окна, он продолжал улыбаться какой-то виноватой улыбкой, и Ане казалось, что он вот-вот что-то скажет, взорвет эту ставшую невыносимой тишину! Однако нет, фигура мужчины стала медленно отступать назад, пока спина его не вошла в плоскость старинного зеркала, достаточно большого для того, чтобы там уместилась фигура взрослого человека. Именно из этого зеркала он взглянул на нее в последний раз, сделал прощальный жест рукой и окончательно исчез. Ане стало жутковато: этот молодой мужчина был частью ее сновидческой жизни, он вообще в последнее время очень часто ей снился – каждый раз с поразительной отчетливостью она помнила его лицо и фигуру, хотя остальные детали ее снов были, как правило, зыбки и неуловимы, и с подобным прощальным жестом он уходил и раньше, но сегодня! Она ведь не спит уже несколько секунд: вот ее комната, вот стенка (мама по старинке называла ее трюмо), вот старинное зеркало – и в этом зеркале только что на ее глазах исчез человек, которого она совершенно отчетливо видела уже после того, как проснулась. Этого человека она никогда в реальной жизни не встречала, но он был хорошо знаком ей по снам. Откуда он взялся? Наверное это галлюцинация, скорее всего это смерть мамы на нее так подействовала, и еще этот люминал, который она принимала перед сном все дни после маминого ухода.

Мамина смерть... казалось, после похорон дни тянулись мучительно долго, а сейчас она оглянулась назад и ничего не помнит, что было после. Ах, ну да, вчера было 9 дней, пришли кто-то из родни, она отчетливо помнит только брата с женой и дядю Колю, маминого брата. Кажется, она почти все время проспала в эти дни, как в летаргии, и все время ей снился этот Андрей, и каждый раз они оказывались на берегу бескрайнего прозрачного моря, а рядом возвышался замок из песка, но такой сложной конструкции, что построить его – тем более из песка – совершенно невозможно. Они говорили с Андреем о чем-то важном, но она не помнит, о чем, лишь помнит, что Андрей ее давний друг, Единственный...

Но почему за все это время ее ни разу не посетила мама? И даже

не было ни одной мысли о ней, а приходит какой-то знакомый незнакомец? Да, странно устроена человеческая психика... хотя, может это просто защита, возможно постоянные мысли о маме во сне и наяву просто свели бы ее с ума. Впрочем, воспоминания о маме могли трансформироваться в этот сегодняшний сон, где она увидела себя лежащей в больничной палате, очевидно это ее мысли о том, что лучше бы она тут лежала вместо мамы – в той самой палате, где она провела у изголовья умирающей последние 2,5 месяца, почти не выходя. А иначе, откуда это? Маме было сорок два года... первичный рак желудка... множественные метастазы в различные органы. Слишком поздно был поставлен диагноз, считали, что обычная язва, а гастроскопии мама боялась, как огня и не давала ее делать. Когда все выяснилось, медицина была бессильна, операция ничего не дала, Аня сильно подозревает, что многочисленные опухоли даже не стали трогать: просто разрезали и зашили, а Ане сказали, что сделали все возможное.

Да, как видно два месяца такого напряжения не прошли даром, вот уже галлюцинации начались. Можно сказать – звонок из дурдома... к тому же не первый. У нее многократно, задолго до смерти мамы возникали всякие необычные переживания, словно бы знала что-то чрезвычайно важное, но забыла... словно она, Анна Михайловна Ромашова – далеко не только то, что она о себе знает, но и что-то много большее, много более древнее, мудрое. Но что? Она этого никак не могла вспомнить, но была абсолютно уверена в том, что помимо серой, малоинтересной жизни, жила еще какой-то иной, яркой, полной удивительных событий и приключений.

Началось все это с восьми лет, а что было до этого, она практически не помнит. Дело в том, что в восемь лет родители обнаружили ее на лестнице около двери квартиры в беспамятном состоянии, и как она там оказалась и где была раньше – словно чистый лист бумаги. А родители потом ничего ей не рассказывали, уходили от расспросов, а она все пыталась вспомнить, и тогда возникало чувство как поутру после причудливого необъяснимого сна, который как некий след остается в дневном сознании, но суть его и образ безнадежно ускользают в небытие, причем ускользают тем быстрее, чем мучительнее пытаешься вспомнить. После этого события Аня

две недели лежала в детском отделении психиатрической больницы – собственно осознала она себя окончательно уже там – и выписалась во вполне удовлетворительном состоянии, правда с чувством, будто она только что родилась, но с опытом, знаниями и навыками среднестатистической восьмилетней девочки: могла читать, писать, знала родственников, близких и друзей, знала где жила и училась, и тем не менее чувство было такое, словно из ее жизни ушли целые страницы, полные удивительных событий и приключений.

Только незадолго до смерти мама призналась ей, что Аню, оказывается, в 8 лет взяли в какую-то лабораторию для эксперимента: что-то связанное с парапсихологией, но что там с ней делали. Она не знает. Оказывается до этих событий Аня была каким-то необычным ребенком-экстрасенсом с какими-то фантастическими способностями, которые, к тому же бурно развивались последние два года. Именно для изучения этих способностей ее забрали в специальную лабораторию, Бог знает чего насулив родителям. Там, очевидно, с ней что-то такое сотворили, что она не только лишилась своего дара, но и напрочь забыла, что была в какой-то там лаборатории и участвовала в каком-то эксперименте, а врачи, оказывается, после больницы категорически запретили родителям рассказывать о чем-то таком, чего она сама не помнит, чтобы не травмировать психику ребенка. Поэтому ее перевели в другую школу и тщательно оберегали от детей, которые ее знали раньше; к счастью таких было немного, Аня росла чрезвычайно замкнутым ребенком. Кто знает, не послушайся родители врачей, и расскажи ей все, глядишь, память о прежней жизни и восстановилась бы, а вместе с этим ушло бы и это изматывающее чувство, что она не только жила какой-то совершенно иной жизнью, но, что самое парадоксальное, продолжает ею жить своей второй, невидимой половинкой, но увидеть, ощутить этого не может. Словно происходит это за полупрозрачной ширмой, за которой мелькают какие-то неясные тени – то ближе, то дальше, но что там происходит в действительности – рассмотреть невозможно.

Итак, раздвоение психики... кажется, раздвоение психики – это один из признаков шизофрении... вот теперь и галлюцинации прибавились. По-видимому, стресс, связанный с уходом мамы, обо-

стрил старый процесс.

Хотя, к настоящему времени все вроде бы прошло, и она чувствует себя нормально... если, конечно нормальным можно назвать ватную от люминала голову и чувство – приглушенное все тем же люминалом глубокой тоски и оставленности. Впрочем, надо жить дальше, мама так и сказала перед смертью: Живи, дочка, вместо меня и пусть твоя жизнь сложится удачнее». Да, превратиться в шизофреничку – это вряд ли удачное выполнение маминого наказа!

Аня кое-как встала с постели, где она последние 9 дней проводила по 15-17 часов (благо уволилась с работы еще когда денно и ночью дежурила у маминого изголовья), глотала люминал, если бы было возможно, вообще бы не просыпалась. А в оставшиеся часы бодрствования драила каждый уголок квартиры, перемывала всю имеющуюся в доме посуду – с патологической тщательностью, до изнеможения, каждый день по новой. Этот метод, чтобы забыться, не впасть в ступор ей посоветовал мамин брат дядя Коля и первые три дня следил, чтобы она скрупулезно ему следовала. Лишь убедившись, что Аня втянулась в это отвлекающее занятие, он оставил ее в покое, поскольку не мог больше отпрашиваться с работы. Аня же, каждый день, оставаясь наедине с самой собою в осиротевшей двухкомнатной квартире, полученной папой незадолго до его скоропостижной смерти от инфаркта семь лет назад, принималась вновь и вновь перетирать старую посуду, годами не достававшуюся из шкафов, поскольку мама после смерти папы не собирала дома большого количества гостей. И так все девять дней, вплоть до сегодняшнего.

Кстати, что сейчас? Утро? День? Вечер? С этим люминалом совсем потеряла ориентир во времени. Нет, судя по свету за шторами, еще не вечер, хотя в середине ноября и 4 часа – уже вечер. Все, надо завязывать с люминалом, последнее время уже не проходит это противное послевкусие во рту, ватная голова и ноги! К тому же вчера на поминках Аня выпила водки и коктейль получился еще тот. Нет, мама бы ее не одобрила, да и вредно это! Хватит пить свое горе стаканами, пора включаться в обычную жизнь, устраиваться на работу, смотреть телевизор, читать книги... ну, и все остальное, как у всех.

Аня поднялась с постели и поплелась в ванную, почистила зубы,

затем решила принять душ. Интересно, а мамина душа где-то здесь, возле нее или уже покинула земное пространство? Кажется, это происходит после девяти дней... или нет, все же после сорока. А что же тогда после девяти происходит? Если она все эти дни была рядом, то почему даже ни разу не приснилась? Вот если бы у нее, у Ани, сохранились те способности, о которых мама перед смертью ей рассказывала! Наверняка она смогла бы тогда с маминой душой пообщаться. Нуда же все это подевалось? Неужели над ней действительно поставили какой-то противозаконный эксперимент, в результате которого возник этот чудовищный провал в памяти и чувство раздвоенности?

Аня вылезла из душа, вытерлась, накинула халат и с укором посмотрела на себя в зеркало. Господи, на кого она за эти два месяца стала похожа! Какая-то бледная немочь, глаза запали, сонно-тупое выражение лица... наверное тут еще люминал сказывается. Нет, так нельзя, надо начинать за собой следить и с люминалом кончать. Она ведь еще молодая девушка, на которую не так давно заглядывались мужчины! Небось сейчас шарахнулись бы от нее, как от прокаженной!

Аня, к собственному удивлению скорчила себе рожу и, тут же устыдившись этого совершенно не уместного после маминой смерти поступка, вышла из ванной и поплелась на кухню. Все эти последние дни она почти ничего не ела, так, перехватывала кое-чего, есть совершенно не хотелось. Мама тоже была бы сим фактом очень недовольна, она всегда следила за тем, чтобы дочь полноценно питалась. И все же, почему, если мамина душа еще не покинула землю, Аня не чувствует его присутствия? Почему она не разу не посетила ее во сне, ведь все говорят, что после смерти близкого человека его душа обязательно приходит во сне. А некоторые утверждают, что даже наяву их видели! Каким же, к черту, в детстве она была экстрасенсом, если даже горячо любимую маму не может увидеть во сне. Все этот мифический Андрей приходит – то в образе мальчика, то взрослый. Выходит, такова ее истинная природа и подсознание тайно тоскует о мужчинах. Вот уж никогда такого бы раньше о себе не предположила, она всегда считала, что на мужчин ей ровным счетом наплевать! Даже переживала по этому поводу, но ничего с

этим равнодушием поделаться не могла. Выходит, она лицемерка! Аня постаралась вспомнить, приходил ли к ней папа после смерти семь лет назад – и не смогла – то ли отупела от люминала, то ли все те же проблемы с памятью, о которых она все утро думала.

Аня открыла холодильник. Сегодня он был непривычно полон, как никогда со смерти мамы (честно говоря, там вообще почти ничего последние дни не было), мало того, забит всякими деликатесами до самого верха – это все, что гости не доели на девять дней, и почти все нарезано: красная рыба, сырокопченая колбаса, осетрина, открытые банки с красной и черной икрой, почти полмиски крабового салата. Все эти деликатесы притащил ее брат Юра. Он работает инженером в каком-то закрытом КБ, связанным то ли с оборонкой, то ли с космосом, то ли с чем-то еще жутко секретным, и сколько Аня не пыталась узнать у него, чем он там занимается, ничего конкретного так и не услышала: то ли какую-то локационную аппаратуру разрабатывает, то ли еще что-то загадочное. Юра постоянно с гордостью подчеркивал, что это государственная тайна, и их КБ курирует особый отдел КГБ (такой вот каламбурчик), и что он не только родной сестре, но и матери и жене не может рассказать, чем они там занимаются. Разумеется, вначале это всех жутко интриговало, но потом привыкли. Брата взяли в это КБ сразу после окончания института, и Аня сильно подозревала, что Юра уже с институтской скамьи завербовался в комитет госбезопасности, и в КБ его взяли именно с подачи этой всесильной организации. А впрочем, факультет прикладной физики брат закончил с отличием, у него и вправду была светлая голова, к тому же в институтские годы занимался активной комсомольской деятельностью, так что не исключено, что и протекции КГБ не потребовалось и Аня возводила на брата напраслину. Возможно, подозрения родственников по поводу Юриной истинной деятельности были связаны с тем, что их папа, будучи старше мамы на 18 лет, до войны какое-то время проработал в органах НКВД (о чем очень не любил вспоминать), но уволился из рядов доблестных чекистов, поскольку был серьезно ранен в годы войны и получил вторую группу инвалидности. Тем не менее, отпечаток этой, не такой уж длительной службы остался на всю жизнь, и это сильно повлияло на общую атмосферу в семье: даже в сравнитель-

но либеральные годы оттепели маме везде мерещились сотрудники КГБ, и всякие антисоветские и теологические разговоры не поддерживались, хоть Аня подозревала, что мама и папа к существующему строю относились весьма критически.

Впрочем Юрина служба имела для семьи и весьма положительные стороны. В частности, все деликатесы, которыми сегодня был забит Анин холодильник, как мы упоминали, притащил Юра. Делал он это регулярно и раньше, еще до маминой смерти, поскольку в его КБ функционировал закрытый для посторонних буфет, где можно было за весьма приемлемую государственную цену приобрести в неограниченном количестве и осетрину, и икру, и семгу, и угря, и несколько сортов твердокопченной колбасы. Надо отдать брату должное, несмотря на то, что с детства он был приспособленцем и карьеристом, своих ближайших родственников не забывал (сейчас он жил в отдельной квартире с женой и маленьким сыном. Отдельную квартиру ему также предоставили словно по мановению волшебной палочки), и то и дело привозил различные дефицитные продуктовые заказы или вещи, которых отродясь не видывали в магазинах. У Юры была масса нужных знакомств, он все время кого-то куда-то устраивал и развозил на машине (новенькие Жигули шестой модели он также приобрел сразу по окончании университета неизвестно на какие деньги). Сейчас Юре было двадцать шесть лет (Ане не так давно стукнуло девятнадцать), и, помимо дефицитных продуктов, ему ничего не составляло достать новенькие Ливайсы и Рэнглеры, или кожаный плащ и дубленку, или импортную теле и аудиоаппаратуру. Поэтому ни у мамы в последние годы при жизни, ни у Ани проблем с гардеробом не было. Правда, с Аниным поступлением в университет на журфак (журфак был выбран самим братом, поскольку это было престижно, к тому же кто-то у него там, в приемной комиссии, сидел)

прошлым летом вышел прокол. На каком-то этапе что-то не стыковалось и протекция не сработала: Аня не добрала баллов, и поступление пришлось перенести на следующий год, но тут смертельно заболела мама, и стало уже не до института. Таким образом, два года – 74 и 75 были потеряны и Аня до недавнего времени работала секретарем в деканате университета, куда ее все же пристроил

брат. А впрочем, нужен ли ей был этот университет и журналистский факультет в частности? Этого Аня не могла понять, поскольку до сих пор не знала, чему бы хотела посвятить свою жизнь и единственной ее страстью на сегодняшний день было чтение. Она все грезила какими-то неясными образами, которые смутным эхом доносились из той неведомой второй жизни, была пассивна и не понимала, в чем ее призвание на этой скучной, неинтересной земле. Брат же, напротив, был не в меру инициативен и даже, не спросясь, затеялся устраивать Анину личную жизнь, которая у той не шибко ладилась. Он подыскал ей молодого журналиста-международника в женихи – то есть с самыми серьезными намерениями – правда Аня подозревала, что жена тому нужна была для командировок в капиталистические страны. Тут она, возможно, возводила на него напраслину, поскольку Виктор (этот международник) очень красиво за ней ухаживал, дарил роскошнейшие букеты цветов, французские духи и прочие достаточно дорогие импортные безделушки, и не особенно настаивал на углублении отношений, поскольку быстро обнаружил Анину инфантильность и полную индифферентность к сексуальным вопросам.

Впрочем, никаких особых чувств к Виктору (как, собственно, и к остальной мужской половине человечества, за единственным исключением – но об этом чуть позже) она не питала и, несмотря на неоднократные предложения руки и сердца, ответа ему пока не дала. Когда же три месяца назад он на полгода уехал в Польшу, Аня вздохнула с облегчением, поскольку и брат и мама при жизни сильно давили на нее с этим выгодным браком. Она же сама не знала, чего хотела, реальные мужчины из крови и плоти ее вообще не интересовали, у нее было впечатление, что эта ее параллельная невидимая и неведомая жизнь вытягивает из нее значительную часть жизненных сил, либо все дело в том загадочном эксперименте, что над ней, по-видимому, провели в парапсихологической лаборатории – ведь не на пустом же месте у нее возникла эта амнезия! Не в пример своему суперактивному брату она была равнодушна к внешней жизни, будущей специальности и всему тому, что так волнует девушек ее возраста. Поэтому и до Виктора с личной жизнью у нее как-то не ладилось, хоть поначалу молодые люди довольно активно обращали

на нее внимание (Аня была нестандартно хороша собой, загадочна и очень начитанна). Но в дальнейшем отношения быстро разлаживались, и дело было даже не в том, что Аня сама отшивала своих кратковременных кавалеров, но происходило это как-то само собой, словно некто свыше нашептывал им, что продолжение отношений с этой девушкой по непонятной причине невозможно. В ней и вправду словно бы отсутствовали те самые женские флюиды, которые в соприкосновении с мужскими флюидами еще до физического контакта рождают чудесную силу взаимного притяжения между полами. Тут была какая-то загадка, и впоследствии некоторые знакомые по секрету признавались Аниному брату, что от нее словно бы исходила волна отчуждения, через которую невозможно было пробиться. Видимо поэтому ни одного серьезного романа у нее, вплоть до Виктора, не было. Впрочем Виктор был крепким орешком и пока держался.

То же касалось и учебы. Ни один из изучаемых в школе предметов Аню не интересовал, училась она ровно, в основном на четверки, но без увлечения, словно не понимала, зачем ей это надо, и единственное, чему предавалась с упоением, были книги, особенно те, которые имели хоть малейшее отношение к непознанному и загадочному, хотя в советское время таких книг было немного – ну, разве что Гофман, Гоголь, Эдгар По, Одоевский, А.К. Толстой, Грин, Братья Стругацкие, Станислав Лем. Особенное же впечатление на нее произвела не так давно напечатанная в «Иностранной литературе» «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха, поскольку ей вдруг показалось, что эта книга немного о ней и о той второй жизни, о которой она никак не может вспомнить.

Аня вытащила из холодильника первое, что попало под руку (благо все это оставалось в нарезанном виде после вчерашних поминок) и села завтракать... или обедать – она взглянула на часы – полчетвертого, по крайней мере не ужин, хотя, как сказать, сейчас ведь середина ноября, темнеет рано. Да, семнадцатое ноября, тысяча девятьсот семьдесят пятого года, и она – Ромашова Анна Михайловна, 19 неполных лет отроду, без определенных занятий, не замужем. Хорошо, хоть это помнит, а то от люминала совсем мозги расплавились.

Впервые после смерти мамы она сильно проголодалась и набросилась на салат Оливье и бутерброды с дефицитной рыбой и икрой. Ого, что-то новенькое, или мама все же отпустила ее от себя и у нее появились первые проблески интереса к жизни, пусть даже в такой утробно-физиологической форме. Нет, надо побыстрее устраиваться на работу, сколько можно сидеть на шее брата, к тому же появится новое дело, новые знакомы, а то все одна да одна со своими розовыми слонами! Хотя, почему одна? У нее еще есть брат, который основательно ее опекает, и еще этот Виктор. Возможно все же придется принять его предложение, в конце концов он ей не противен, хоть и равнодушие свое она никак преодолеть не может. Равнодушие – это основная черта ее характера, по крайней мере последние десять лет, а что было до того, она практически не помнит, да и то что помнит – возможно это и не ее собственные воспоминания, а то, что мама с папой рассказывали, впоследствии переосмысленное. Словно невидимый ластик прошелся по целым страницам ее жизни. Нет, положив руку на сердце, Виктор ей не противен! Впрочем, приезжает он только через три месяца, все еще может измениться. А на ближайшее будущее брат вроде бы присмотрел ей неквалифицированную работенку в редакции какой-то газеты. Так что у нее и до Виктора могут появиться новые знакомые, да и деньги будут не лишними, сколько можно сидеть на шее брата, мама ведь практически не оставила никаких сбережений, все произошло так внезапно...

Аня уже начала пить чай, когда в прихожей раздался звонок. К ее удивлению пришел брат, хотя вчера виделись, а он редко заходил просто так, без конкретного дела. Тем более не позвонив заранее. А впрочем, возможно он и звонил, но она спала, а телефон стоит в прихожей, все никак не поставить еще один аппарат в комнате.

– Привет, сестренка, – бодренько приветствовал ее Юра, чмокнув в щеку, словно ничего не случилось, либо время официального траура закончилось (вчера при родственниках он выглядел достаточно скорбно, однако Аня чувствовала, что особо глубоких переживаний брат не испытывает, он вообще способен был переживать по поводу чего-либо, что не касалось лично его, любимого. А тут – мама ушла, ей уже ничем не поможешь, пока была жива, сделал для нее все, что мог, устроил в лучший онкологический центр, доставал де-

фицитные заграничные лекарства, совал врачам в конвертиках, а что мало у изголовья сидел, так на то сестра была, чего вдвоем толкаться, только шум и лишняя суета. Так что совесть чиста и жизнь продолжается.

– Привет – слегка заторможено пробормотала Аня: действие люминала еще не прошло, – проходи на кухню, я как раз завтракаю.

Брат снял и аккуратно повесил на плечики в стенной шкаф по-видимому жутко дорогой французский кожаный плащ, пригладил рано начавшие редеть волосы перед зеркалом (стоит отметить, что не смотря на общих родителей, Аня была естественной блондинкой, а брат – брюнетом), прошел вслед за Аней на кухню и с аппетитом набросился на остатки вчерашних поминок.

– Хорош завтрак, – сказал Юра, посмотрев на новенький, играющий кварцевым стеклом «Ориент», в те годы – труднодостижимая мечта для простого советского обывателя, – почти четыре... чего это ты полдня спишь, как сурок, гости, вроде не очень поздно разошлись.

Аня пробормотала что-то невнятное насчет коварного действия люминала совместно с водкой, хотя вообще-то выпила она немного...

– Не нравишься ты мне, сестренка, – продолжил Юра, оценивающе разглядывая Аню, – совсем не следишь за собой, цвет лица, как у восковой фигуры мадам Тюссо, с которой всю краску смыли. Я понимаю, что горе, но у меня тоже горе, однако я себе распускаться не даю, на службе даже не знают о несчастье в нашей семье: горе – горем, а дело не должно страдать. Маме уже ничем не поможешь, и не думаю, что она одобрила бы твое поведение и то, как ты себя запустила. Так что завязывай хлестать свое горе стаканами, как Васисуалий Лоханкин, к тому же пополам с люминалом, приводи себя в порядок и быстренько выходи на работу, раз уж институт в этом году снова накрылся. Надо себя чем-то занять, да и деньги какие-никакие.

– Ты ж знаешь, – виновато начала оправдываться Аня, – место в деканате, куда ты меня в прошлом году пристроил уже занято, и мы с тобой о какой-то там редакции договорились! И потом, я бы все равно в эти дни не смогла работать, я даже на улицу не выходила. А

с люминалом я решила с сегодняшнего дня завязать. Мне действительно показалось, что отпустило, уже не так тяжело, словно мама-на душа все эти дни была где-то рядом, а сегодня покинула землю и меня освободила.

– Ты все со своими фантазиями никак не расстанешься, – усмехнулся брат, – нет никакой души. Все что от мамы осталось, сейчас на Ваганьковском кладбище находится – (брат и кладбище сумел пробить престижное), – ну а мы с тобой – как ее продолжение. Все остальное – только память. Говорят же, что человек живет, пока на земле жива память о нем, но это, разумеется, только поэтический образ, никто еще с того света не возвращался и не рассказывал, что в загробном мире творится! Так что все разговоры о душе – ни на чем не основанные выдумки, как Маркс говорил – опиум для народа: разумеется, страшно, что после твоей смерти ничего не будет, вот и выдумывают всякое для самоуспокоения. Так что если тебе сегодня немного легче стало, так это всего лишь реакция твоей нервной системы: организм не может все время находиться в состоянии стресса, поэтому имеет свойство забывать.

– Насчет «забывать» – это ты верно сказал, – кивнула Аня, – у меня впечатление, что я почти половину своей жизни забыла, вернее, всего того, что в моей жизни до психушки в восьмилетнем возрасте было. Но всегда, тем не менее, я почему-то была уверена, что душа существует, хоть доказать это я не могу и мне на каждом шагу прямо противоположное утверждали. Мне кажется, что если бы я была таким же материалистом как ты, то просто повесилась бы от тоски. Жить этой серой, неинтересной жизнью, где нет ничего чудесного, да к тому же быть уверенным, что ничего чудесного нет ни только на земле, но и на небе – это, по-моему, такая скука!

– Скучно только бездельникам, – жестко ответил Юра, – мне, например, не скучно. Конечно, если весь день лежать на кровати и плевать в потолок, то становится скучно, но если даже не плевать, а просто лежать и мечтать о розовых слонах и волшебных принцах, как ты любишь – то это такая же скука. Тоска заканчивается там, где человек активно строит свою жизнь, преодолевает всякие трудности и в конечном счете берет фортуна за жабры. Тогда скучать некогда, видишь конкретную цель и не тратишь время на пустые фантазии,

например о душе. Другое дело – вещи паранормальные, но наукой в ряде случаев подтвержденные! Кстати, насчет моего кондового материализма ты несколько заблуждаешься... но об этом чуть позже. Я уже давно хочу поговорить с тобой на одну весьма щекотливую тему, но, пока была жива мама, я этого не мог, она с меня слово взяла, что я этот вопрос поднимать не буду, врачи, мол, просили тебе ничего не говорить, когда ты в восемь лет в психушке лежала, это, мол, может на твою психику плохо подействовать. Кстати, поэтому тебя с потерей одного класса в другую школу перевели и оградили от твоих приятелей по прежней школе. Так вот, о том, что я к этому вопросу не вернусь после ее смерти, я не обещал. К тому же ты сама недавно этого вопроса коснулась, сказала, что свою память частично утратила и все время пытаешься что-то там вспомнить, но не можешь. Девять дней я тебя не трогал, не до того было, но сегодня, по-моему, пора, и это в твоих же интересах. Да и что значит запрет врачей? Когда это было! Ты, слава Богу уже не ребенок, сколько лет прошло, и ничего с твоей психикой не случится, наоборот, мне кажется, если бы мы того что знали от тебя не утаивали, ты бы уже все вспомнила, и не только вспомнила.

Речь идет о том, что с тобой произошло по меньшей мере за год до того, как ты в психушке оказалась, а возможно и раньше гораздо. Я, к сожалению, сам не так много об этой истории знаю, только о том, чему сам был свидетелем. О главных событиях мама мне не рассказывала, знала, что у меня язык без костей, и я тебе обо всем проболтаюсь.

– А что это ты вдруг эту тему поднял? – глянула на него Аня подозрительно. Она хорошо знала своего брата и понимала, что он никогда не затронул бы эту, запретную в их семье тему, если бы не имел какого-то корыстного интереса. – Кстати, мама как раз незадолго до смерти буквально в двух словах рассказала, что меня в восемь лет взяли в какую-то секретную лабораторию по изучению парapsихологических феноменов, и взяли, якобы, потому. Что я в детстве была экстрасенсом. Очевидно там надо мной провели какой-то опасный эксперимент, после чего и произошла вся эта история с психушкой и потерей памяти. Как ты знаешь, по крайней мере после психушки, никаких паранормальных способностей у меня не было и нет,

если, конечно, не брать в расчет тот факт, что все эти годы я жила с ощущением, что параллельно с этой моей жизнью разворачивается какая-то иная.

– Вот-вот, – заинтересовался брат, а нельзя ли поподробней?

– Да ничего подробнее не могу сказать, это просто ощущение, я ничего конкретного не видела и не чувствовала, только вспышки отдельные, и после этого все стирается, помнишь, что видела нечто, а что – не помнишь. Так иногда поутру бывает, когда снится какой-нибудь сон причудливый. Какое-то мгновение после пробуждения его чувствуешь, а потом он начинает куда-то уходить, и остается только ощущение, что что-то необычное видела, и чем сильнее пытаешься вспомнить, тем сильнее забываешь. Так же и здесь, только наяву. Но я знаю, что в этой параллельной жизни что-то чудесное, необычное происходит, совсем иное, чем в нашей скучной серенькой обыденности, и такая тоска охватывает!

– Вот-вот, – кивнул брат, – опять тоска, у тебя – вся жизнь тоска! Мне кажется, пора что-то делать, чтобы с этой тоской справиться, но я с тобой об этом позже поговорю. Значит, мама тебе все же что-то рассказала, в том числе и о твоих способностях, которые у тебя были до тех пор, пока не случилась эта история с лабораторией! Я не знал. Но тем более можно теперь об этом открыто говорить.

– Можно, конечно, – внимательно посмотрела Аня на брата, – мне кажется, мама хотела гораздо подробнее обо всем рассказать, да не успела, ей совсем плохо стала и она впала в кому, а вскоре умерла. Вот только странно мне от тебя об этих паранормальных проблемах слышать, ты всегда так далек от этого был.

– Все в мире меняется, – усмехнулся брат, – несмотря на официальное замалчивание проблемы, об этом все чаще и чаще стали поговаривать, и, уверяю тебя, не только обыватели на кухне. Ну, так вот, на основании того, что я знаю, а знаю я, к сожалению, крайне мало – в детстве меня вообще все эти потусторонние явления не интересовали – ты была не просто экстрасенсом, каких, как сейчас выяснилось, существует немало, ты была универсальным психокинетиком, ребенком – ЭВМ и Бог его знает еще кем. К тому же, способности твои, – по крайней мере в последний год перед событиями с лабораторией, возрастали буквально в геометрической прогрессии.

К сожалению, в детстве я был свидетелем – да и то хреновым – всего лишь одной череды событий, мама знала больше, ну а главное (с нашей точки зрения) стало известно только из рассказов очевидцев в твоей школе. К сожалению, свои экстрасенсорные способности ты хорошо умела скрывать.

– Кстати, что такое «психокинетик»? – перебила его Аня.

– Это очень редкий разносторонний феномен, – сказал Юра, – сюда входит и способность двигать предметы мысленным усилием, и способность гнуть вилки и ложки взглядом, и перемещаться мгновенно в пространстве. Отдельно можно выделить прохождение сквозь стены, но об этом – в свое время. Кстати, такое загадочное явление, как полтергейст – надеюсь, ты слышала этот термин – некоторые специалисты объясняют не потусторонними причинами, не происками шумного духа, а неосознанными, подсознательными действиями людей, чаще детей, наделенных этим редким даром, и проявляется он тогда, когда этот ребенок недоволен и неосознанно хочет кому-нибудь досадить. Теперь, о том, чему я был непосредственным свидетелем, летом, за год до того, как с тобой эта беда с лабораторией приключилась. Мама, я и ты (папа, как обычно, работал) были на даче в Семхозе, и там (в основном по ночам) происходил самый настоящий полтергейст. И Юра изложил подробно события на даче, описанные нами в книге «Девочка и домовой», разумеется только те, которым был непосредственным свидетелем.

– Ну, так вот, – закончил он свой рассказ, – мама была абсолютно уверена, что это была твоя работа, у нее тому вроде бы имелись неопровержимые доказательства...

По ходу Юриного рассказа, сердце Ани несколько раз сжималось: все что рассказал брат, она никак не могла вспомнить, и тем не менее, что-то рвалось наружу, но словно бы было перекрыто надежной перемышкой.

– И еще, что я знаю наверняка, – продолжил брат, – на эту тему особенный шум был: ты говорят, в школе через стенку проходила или что-то в этом роде. Сам-то я этого не видел, но видели многие ученики и учительница в том числе. Собственно, после этого события в школе и появился некий заведующий лабораторией по изучению парапсихологических феноменов и каким-то образом уговорил

предков отдать тебя в Подлипки в качестве подопытного кролика. Очевидно, директор школы позвонил куда следует, когда слухи поползли.

В этот момент Аню пронзила вспышка внутреннего узнавания, правда никаких конкретных случаев из своей жизни вспомнить она так и не смогла. Это ощущение из разряда дежавю было сродни ее состоянию параллельной жизни за непрозрачной перегородкой, где постоянно мелькали то чуть более, то чуть менее ясные тени, но что это такое и что за действие скрывалось за этими мельтешениями, разобрать было невозможно.

– Как-то странно от тебя подобные вещи слышать, – сказала Аня с несколько отстраненным видом, продолжая тщетные попытки что-нибудь вспомнить, – ты сам-то веришь, что такое возможно?

– В последнее время я сильно пересмотрел свои взгляды на мир, – загадочно сказал Юра, – тому были определенные причины, правда, какие, я сказать пока не могу... но надеюсь, – добавил он, видя раздражение Ани, которая слишком часто натыкалась на завесу секретности со стороны брата с того времени, как он устроился в свое закрытое КБ, – если моя задумка удастся, то я введу тебя в курс дела. Впрочем, – добавил он, усмехнувшись, – тогда в этом не будет необходимости.

– Это почему?

– Ну, возможно ты и так мои мысли и вообще, информацию непосредственно сможешь снимать, как до этой злосчастной лаборатории могла.

– И как же ты собираешься память и прежние способности мне вернуть?

– Не я, а доктор – психоаналитик и специалист по гипнозу. Если все пройдет удачно, то ты должна не только вспомнить все странные пробелы своей жизни, но, возможно, вновь обрешь утраченные способности. Мне объяснили, что они никуда не могли деться, возможно просто перешли в подавленное, не проявленное состояние и есть надежда что их возможно вновь активизировать, проявить с помощью определенных методов.

– Понятно, – сказала Аня, – ты имеешь в виду конкретного врача или вообще?

– Разумеется, конкретного, никакой рядовой психиатр и гипнотизер тебе не поможет, тут нужен врач, который специализируется по данной проблеме, весьма редкой и специфической. И такого врача я знаю. Зовут его Лев Матвеевич Левин, – добавил он почему-то, словно это имя должно было Ане что-то сказать. – У нас с ним уже состоялся предварительный разговор, и он сказал, что ты его пациент, он как раз специализируется по всяким редким амнезиям. Правда, полную гарантию дать не может, но в любом случае хотя бы частичный результат гарантирует.

– Что ж, – сказала Аня, – было бы очень интересно, правда немного боязно, а вдруг я что-нибудь страшное вспомню, Вень просто так памяти и своих каких-то качеств не лишаются, а вдруг в этой лаборатории со мной что-то нехорошее произошло, ведь наверняка я какой-то стрессы пережила. Кстати, а ты не знаешь. Родители не пытались выяснить, что со мной там случилось? Ведь наверняка какие-то координаты этой лаборатории и того конкретного человека, который меня туда забрал, у них должны были остаться. Ведь кто-то, а папа это дело бы так просто не оставил. Он же сам бывший чекист и никого не боялся, а меня очень любил. Что-то мне не верится, что он мог этот инцидент оставить безнаказанным.

– Ничего не могу тебе об этом сказать, – развел руками Юра, – как ты знаешь, врачи категорически запретили эту тему в семье поднимать, а если папа с мамой о том говорили либо что-то предпринимали, то мне не докладывали. Так что информации у меня не густо. Кстати, если лечение будет успешным, – криво усмехнулся брат, – и ты обретешь не только утраченную память, но и свои уникальные способности, коими меня Бог не наградил, то ты сама у маминой души обо всем сможешь спросить.

– Ты же только что говорил, что ни в какие души не веришь!

– Не верю, – тряхнул Юра несколько поредевшей за последнее время шевелюрой, – но ты-то веришь! Будем на данный момент считать, что я заблуждаюсь, у тебя же возникнет дополнительный стимул для лечения.

– А ведь правда! – согласилась Аня, я совсем недавно переживала, что за все это время ни разу маму во сне не видела, хоть многие говорят, что после смерти близкого человека, его душа к ним явля-

лась – либо во сне, либо в виде призрака. Ладно, я согласна, может моя раздвоенность в случае успеха пройдет. Наверное это чувство из-за той параллельной жизни, которую я как бы ощущаю, но увидеть не могу. И все же, почему меня раньше к доктору не водили, а сейчас вдруг стало возможным?

– Во первых, – сказал Юра, – если тебя что-то сильно беспокоило, то и сама могла сходить, как никак совершеннолетняя, а что касается родителей, то пока был жив папа, ты еще ребенком была, и они следовали запретам врачей, чуть позже я этим вопросом лично интересовался, и врачи так же настоятельно рекомендовали мне все оставить, как есть, чтобы не дай Бог хуже не стало. На доктора Левина я недавно вышел, уже когда мама при смерти лежала, и было не до твоих проблем, а потом был траур и я решил 9 дней тебя не тревожить, ну а теперь, думаю, пора, тебе, если уж на то пошло, и переключиться полезно будет, вон ты на кого похожа стала, да и заторможенная какая-то.

– Да уж, – вздохнула Аня, – я это и сама сегодня поняла, да и двигаюсь, как черепаха и не соображаю ничего. Это, наверное, еще и люминал так действует...

– Разумеется, и люминал тоже, – кивнул головой Юра, – я его отберу и на помойку выброшу. Значит договорились? А то доктор Левин сказал, что с твоей стороны добровольное согласие должно быть и желание сотрудничества, поскольку его метод подразумевает совместную работу, психоанализ. Что же касается твоих страхов, то он по возможности этот эффект будет контролировать и гасить. К тому же, если у тебя какой-то комплекс сидит в подсознании и изнутри отравляет психику, то его лучше наружу вытянуть и загасить, иначе он когда-нибудь куда больше бед натворит. Это, как хирургическая операция – вначале больно, зато потом полноценной жизнью заживешь.

– И все же, – сказала Аня, – у меня такое чувство, что ты всего не договариваешь, зачем-то все это лично тебе надо.

– Ты уж, сестрица, меня совсем за какого-то эксплуататора держишь, – возмутился Юра. Даже если бы я никаких далеко идущих планов в голове не держал, я в любом случае постарался бы тебе помочь, как только такая возможность представилась бы. Но ты ведь

сама до недавнего времени ни на что конкретное не жаловалась, что ж, я должен был тебя за шкуру к доктору тащить? А насчет того, что я чего-то так не договариваю, что ж, отчасти ты права, раз уж эта тема поднялась, но пока ничего конкретного я тебе сказать не могу, поскольку этот вопрос связан с государственной тайной. Если удастся первая часть нашего предприятия, и доктор Левин вернет тебе утраченное (вернее ты сама вернешь с его помощью), то тогда я смогу рассказать то, о чем умалчиваю сейчас. А до той поры, прости, не могу, это отчасти касается моей работы.

– А если ничего не получится?

– Тогда все останется как было и дальнейший разговор не имеет смысла, ведь жила же ты как-то до сегодняшнего дня?

– Мне кажется, – усмехнулась Аня, – что если я вылечусь и ко мне мои таинственные способности вернутся, ты меня в цирке за деньги показывать будешь.

– Знаешь, – разозлился обычно контролирующий свои эмоции брат, – это, в конце концов, хамство, я ведь в основном не для себя стараюсь!

– Ладно, прости, – вздохнула Аня, – я еще как следует в себя не пришла и плохо соображаю, что говорю. Кстати, этот доктор Левин ведь не за спасибо же со мной работать согласился, это ведь не рядовой прием у терапевта в поликлинике, а у меня денег нет.

– Пусть это тебя не беспокоит, – быстро успокоился брат, – у нас – свои взаимозачеты. В случае успеха моей задумки, если уж ты такая щепетильная, у тебя будет возможность рассчитаться.

Юра встал из-за стола, и сославшись на всякие незавершенные дела, начал собираться, пообещав позвонить, как только договорится с доктором Левиным о конкретном дне и времени.

– Господи, – как же он надоел со своей секретностью, что ни разговор, то очередная тайна мадридского двора, – пробормотала Аня, глядя в окно, как от тротуара отъезжает Юрина «шестерка» цвета сырого асфальта, – небось, когда он все расскажет, какие там у меня планы, выяснится, что тайна эта гроша ломаного не стоит. Ему просто жутко нравится ощущать себя важной персоной, словно от него какие-то государственные вопросы зависят. И все же, просто так он бы все это не затеял, для чего-то он меня однозначно собрался

использовать, похоже, насчет цирка я что-то там угадала, иначе бы он так не взбеленился! А впрочем, наверное я к нему несправедлива, ведь по сути он последние два месяца меня содержал, да и раньше то одно, то другое подкидывал и денег не брал, а я его уже в старуху-проценщицу записала, грешно так о родном брате думать, тем более, когда сама себя толком содержать не способна. Притом, что Юра за так никому ничего не сделает, то в отношении меня он настоящий бесребренник. Это, наверное, мои детские обиды наружу вылезают, ведь в детстве мы с ним никогда не ладили. Да, люди мы с ним совсем разные, и внешне и внутренне, и на родителей – ни на папу, ни на маму я никогда похожа не была.

Аня убрала со стола и собралась, было, как в последние несколько дней снова драить дом и перемывать посуду, как вдруг поняла, что в этом нет больше необходимости и мысли о маме уже не столь мучительны. Тут впервые за два с половиной месяца ей захотелось выйти на улицу и просто прогуляться. Видимо действительно в ее душе произошел перелом, и боль утраты родного человека стала стихать.

«Спасибо, мама», – мысленно произнесла Аня. Ей и вправду показалось, что ее состояние напрямую зависело от маминой души, и душа эта по какой-то причине отпустила дочь, предоставив ей возможность вновь вернуться в мир и заняться своими проблемами, вплоть до маленьких мимолетных прихотей.

Боясь, что это подзабытое чувство интереса к жизни может исчезнуть, Аня быстро оделась и вышла во двор, и при этом как-то само собой вышло, что на ней оказались модные импортные вещи из «Березки», которые, незадолго до маминой болезни раздобыл для нее Юра, желая, чтобы Аня произвела на его протее, журналиста Виктора, хорошее впечатление. Она одевала этот джинсовый костюм и кожаный плащ всего пару раз, а потом заболела мама, и Аня стала облачаться во все старое, затрапезно-совковое: ей казалось, что одеваться хорошо, когда мама умирает, как-то бессовестно, – это было табу. Тут только она вдруг почувствовала, что табу больше нет, и маме самой не понравилось бы, что дочь перестала за собой следить, и одевается Бог знает во что, как старая дева. Возможно, она это и чувствовала в последние дни жизни, но ничего Ане не говори-

ла, не желая обидеть дочь.

Аня жила в неплохой двухкомнатной квартире примерно посередине между метро Рижская и Проспект мира, в доме, выходящем на сам проспект, правда квартира располагалась в тихой части, открываясь окнами во двор, поэтому вечный шум большой улицы почти не проникал в ее когда-то уютную комнату. Эту отдельную двухкомнатную квартиру папа получил незадолго до скоропостижной смерти 7 лет назад, а до этого семья ютилась, как это помнит читатель, в коммуналке, в центральном районе, примыкающем к кремлю, Зарядье.

Девушка вышла на проспект и прогулочным шагом направилась к центру города, заново открывая забытое чувство шумной улицы, неторопливой походки и отсутствия какой-то конкретной цели пути – ну, так, разве что в общих чертах. Ей впервые за долгие дни захотелось окунуться в людской поток проспекта, возможно на минутку зайти в церковь святителя Филиппа, которую в народе называли «храмом на капелках», что на площади сразу за метро Проспект мира, и поставить маме свечи за упокой. Дальше, возможно прогуляться до Садового кольца, зайти в тамошний парк, посидеть на берегу пруда – она любила студеную, прозрачную осеннюю воду (разумеется в качестве объекта созерцания), когда вокруг ни души, и деревья голы и, возможно, настроиться на грядущее посещение этого Юриного гипнотезера-психоаналитика, которое и пугало, и сулило надежду одновременно. Конечно, ей очень хотелось вернуть свою утраченную память и, чего греха таить, – а вдруг и правда в ней воскреснут какие-то неведомые паранормальные способности, даже о существовании которых она знала весьма поверхностно. С другой стороны, обретение забытого пугало: а вдруг всплывет что-нибудь страшное, мучительное, ведь наверняка в детстве она пережила серьезный стресс. Что могло произойти там, в лаборатории, она понятия не имела, и почему даже ее железный папа, который никого не боялся, судя по всему, ничего не выяснил и не призвал к ответу виновников внезапного расстройства рассудка его дочери? Это было очень странно и Аня не могла найти тому объяснения

Девушка стряхнула непрошенные мысли, расправила плечи и глубоко вздохнула, как она не вздыхала очень давно. Стоял су-

хой ноябрьский день, по предзимнему потемневшему небу быстро пробегали рваные клочья серых облаков, вроде бы не сулящих дождя или снега, и Аню, почему-то совершенно не к месту захватило ощущение гулкости, хруста и праздничности, сходной, разве что, с ожиданием Нового года, хотя, казалось бы, сама мысль о празднике сегодня должна была быть кошунственной. Тем не менее, эта неуместная праздничность буквально разливалась в воздухе, и Аня все не могла уловить причину – то ли все дело было в особом свете предвечерья (до заката оставалось еще минут сорок-пятьдесят), то ли в этом особом гуле большого проспекта, от которого она отвыкла, когда безвылазно сидела сначала в больнице у мамы, а затем дома. Может, и гул этот, и суэта навеяли ей воспоминания о детском восприятии Ноябрьских праздников, которые полностью девальвировались в более старшем возрасте? О многотысячных демонстрациях с песнями, воздушными шарами и транспарантами? О торжественных маршах и лозунгах по мегафону, которые многократным эхо гулко отражаются от сплошной гряды зданий широкого проспекта? Конечно, это ощущение гулкости и многократно повторяющегося эхо было скорее чем-то внутренним, поскольку машины сплошным потоком снующие по проспекту Мира шумели по-другому, но возможно Аня просто поотвыкла от него за последние два с половиной месяца и что-то добавило ее сознание. Вскоре ей уже стало казаться, что в такт этому примерещившемуся эхообразному гулу звенят рассыпчатым звоном бубенчики на дурацком колпаке огромного скомо-roxa, который скачет прямо по головам людского потока, и крышам автомобилей, и машет разноцветными флажками, а где-то вдалеке сквозь непрерывный праздничный гул пробиваются нестройные дребезжащие такты военного духового оркестра.

Это было даже не видение, а так, внутреннее ощущение, встроившееся во внешний пейзаж, к тому же неуместное на десятый день после смерти горячо любимой мамы. Впрочем ничего сверхъестественного в нем не было, возможно это непривычное ощущение возникло после люминала и долгого сидения дома. Аня подумала, что ее состояние каким-то образом связано с ноябрем, и середина ноября вполне соответствует ее настроению, ей нравится этот гулкий серый день, сквозящий хрустом и упругостью, и что, напротив,

нежный майский ветерок, доносящий ароматы сирени или ландыша был бы сегодня совершенно неуместен, и именно тогда она бы прогуливалась с чувством ненужности и неуместности в этом мире, не говоря уже о том, чтобы очутиться в сей момент на черноморском побережье среди благоухания магнолий, миртов и левкой среди тысяч полураздетых загорелых отдыхающих – это, наверное, сейчас было бы поистине ужасно! Но вот как раз ноябрьская предзимняя сквозящая праздничность, скорее идущая изнутри, чем снаружи, очень хорошо вписывалась в ее душевное состояние. Сердце Ани забилося сильнее от предчувствия грядущих перемен, возможно даже какого-то чуда, а затем сами собой стали рождаться строки, словно чей-то беззвучный голос – скорее мужской, чем ее собственный, произносил стихотворение-комментарий тому состоянию, во власти которого она очутилась, выйдя на улицу. Впрочем, этот стихотворный комментарий не во всем соответствовал окружающему ее городскому пейзажу:

С утра прозрачные флажки
Предзимья в воздухе полощут.
Берез прозрачные стяжки
На черно-белом платье рощи.

На голых ветках стынет свет,
Хрустит земля при каждом шаге,
И клена четкий силуэт
Застыл гравюрой на бумаге.

Сухой, морозный, гулкий день...
Так отчего в порывах ветра
То бубенцов шальная звень,
То медь военного оркестра?

И почему в тот краткий час,
Когда засветятся верхушки
Жар детской радости в плечах
От только купленной игрушки.

Я как голодный весельчак,
Что угодил на званный ужин,
Но день скукожился, зачах,
И тьме кромешной Флаг не нужен.

Пока ж воздушные шары
Необходимы в этом мире,
О, Навна, все мои дары
Не повредят твоей порфире!

Беззвучный голос стих. Стихотворение, произнесенное внутри ее сознания без перерыва и без заминки закончилось, и Аня поняла, что уже не сможет его воспроизвести, словно этот внутренний монолог был и не ее вовсе.

«Может, – подумала Аня, – это частица-воспоминание из моего прошлого до событий в лаборатории, как раз той самой жизни, о которой я стараюсь, но ничего не могу вспомнить? Но я ведь, кажется, никогда стихов не писала, неужели это из того забытого периода? Но что можно написать в возрасте до 8 лет? А это стихотворение явно взрослое и, по-моему, замечательное» (почему-то мысль о том, что это может быть стихотворение какого-то постороннего автора, которое она помнила до восьми лет, а потом забыла, как все остальное, не пришла ей в голову).

«И потом, кто такая Навна? Я никогда не слышала этого имени. А Флаг? Я точно знаю, что и это чье-то имя, а не кусок материи на древке, но чье? Как жалко, что я с собой ручку и блокнот не взяла! Конечно, можно попробовать стихотворение дома восстановить, но, похоже, не получится, я его забыла так же, как кусок моей жизни. Впрочем, нет, про стихотворение я хотя бы помню, о чем оно. Нет, ну надо же, никогда не подозревала, что я поэт!»

Аня продолжала свой путь по проспекту Мира. Она подумала, что давно не смотрела просто так на небо, в городе это вообще редко в голову приходит. Другое дело – на даче, лучше всего во время прогулок по полю, когда горизонт открыт (словно за городом небо другое), и кучевые облака такие причудливые, напоминающие вся-

ких сказочных животных и еще Бог знает, чего. Нет, эти ноябрьские предвечерние облака совсем другие, не интересные, словно клочья серой ваты и так быстро проплывают, что не уследишь за их метаморфозами... хотя, нет, вот это, прямо над стрелой проспекта, кажется, другое. Тут Ане показалось, что одно из облаков и вправду сильно отличается от остальных, быстро проносящихся и быстро меняющих конфигурацию. Оно было какое-то более внушительное, более устойчивое, с особой подсветкой и явно напоминало бескрылого дракона... пожалуй даже не дракона, скорее, динозавра Юрского периода – бронтозавра или диплодока, и на этом диплодоке кто-то сидел... пожалуй, даже не кто-то, а конкретно – девочка! Нет, но бывают же такие антропоморфные облака, словно их кто-то вылепил специально. В какое-то мгновение с Аниным зрением что-то случилось, словно бы ударила беззвучно молния, хотя никакой грозы и в помине не было, и осветило вполне реальное чудище – диплодока, на шее которого с ужасом на лице сидела девочка, лет восьми-девяти, вцепившись в бронированную шкуру. Динозавр, как мы упоминали, был бескрылым, и каким образом держался в воздухе было непонятно, как было непонятно и то, каким образом на нем очутилась девочка в светлом платье. Тут Аня словно бы стала видеть из положения девочки: под ними раскинул просторы бескрайний приближающийся город, по-видимому, Москва, вокруг хлестал дождь и били молнии – очевидно видение опустилось ниже облачности, и застывшее в страхе лицо девочки показалось Ане странно знакомым. Бог мой, да ведь это же она сама в детстве!

В этот момент все вернулось на свои места, и поразившее ее облако вроде бы уже ничем не отличалось от остальных, да и была ли эта необычность с самого начала? Аня стряхнула с себя наваждение и стала растеряно озираться. Ей показалось, что прохожие подозрительно на нее поглядывают – то ли она как-то неадекватно себя повела, то ли что-то отразилось на ее лице. Впрочем, видение было мгновенным и вряд ли как-то существенно могло сказаться на ее поведении.

«Что же это за напасть такая, – на удивление отстраненно, словно это было и не с ней, подумала Аня, – ничего подобного в своей жизни не припомню... по крайней мере в этой осознанной. Может

это люминал так действует? Но я же почти сутки его не принимала, к тому же это барбитурат, а не галлюциноген. Все, больше ни одной таблетки, лучше пару дней бессонницей помяться!»

Тем не менее Аня констатировала, что совсем не испугалась необычных явлений, по ее воспоминаниям, никогда с ней не происходивших, да и сейчас страха не было, разве что тогда, на мгновение, когда она словно бы на небе очутилась. Сейчас же, напротив, в душе ее разливалось непонятно откуда явившееся чувство праздника и узнавания чего-то родного, хотя сознательная, критическая ее часть искренне возмущалась такой веселухе, совершенно не уместной на десятый день после смерти мамы. Другая же, какая-то третья ее часть замерла (опять же без страха) в предчувствии чего-то нового, возможно, в каком-то аспекте трагического, не исключено, даже страшного, но только не серенького, скучного, как вся ее осознанная жизнь, а неординарного, удивительного, чрезвычайно важного не только для нее, но для многих – многих тех, кого она сейчас не помнит, но когда-то хорошо знала.

«То ли это память возвращается, – думала Аня, машинально сворачивая на площадь, сразу же за станцией метро «Проспект Мира», – и не надо на прием к этому доктору идти. Но, с другой стороны, уж больно странно она возвращается. Какое отношение к реальным событиям может иметь девочка, летящая на динозавре, и не просто девочка, а я сама. Нет, это, скорее, шизофренический бред какой-то, так что тем более к врачу надо. Если на то пошло, у этого ящера даже крыльев не было, – мысленно добавила она, словно наличие крыльев у нелетающего диплодока (или бронтозавра) сделало бы увиденную картину более правдоподобной, – так что подобные явления вряд ли похожи на возвращение памяти, скорее, возвращение психической болезни!» – решила она напугать себя последней фразой... однако, почему-то, не испугалась, словно полеты на динозаврах были для нее делом обыденным.

Размышляя таким образом, Аня свернула на площадь, которая через пять лет будет носить название «Олимпийская», и которая через много-много лет так застроится всякими офисами, Макдоналдсами и бутиками, что и как таковой площадью перестанет быть, но в те далекие застойные годы она была весьма просторна и единствен-

ным ее украшением являлась церковь святителя Филиппа, правда до капитального ремонта и реставрации в начале девяностых, находившаяся в запустении и нищете. По легенде церковь эту в конце девятнадцатого века основал один богатый трактирщик, имя которого народная молва не сохранила, безбожно обманывающий и обсчитывающий своих посетителей. Но однажды к нему во сне, якобы, явилась Богородица и между ними произошел разговор примерно такого содержания:

– Слышала я, что ты бессовестно посетителей обдираешь, – скорбно обратилась к трактирщику Богородица.

– Каюсь, матушка, обдираю, – неожиданно смиренно склонился к ее стопам трактирщик, – так ведь жисть-то ныне какая, иначе не заработаешь!

– Прекрати обманывать людей и обратись к благодетели, – наставительно потребовала Святая Дева.

– Так как же жить то? На чем прибыль иметь? – расстроился мироед.

– А на капельках, – загадочно ответила Богородица. Что она имела в виду по капельками, трактирщик так и не понял, возможно, те капельки, которые остаются в посуде после испития алкогольных напитков, а может она аллегорически намекала на слезы сострадания к нищим и обездоленным, однако с той поры трактирщик перестал обманывать клиентов, исправно молился в церкви и раздавал направо и налево нищим милостыню – и неожиданно очень разбогател. То ли потому, что к нему массово пошел народ, поскольку в этом кабаке перестали обвешивать и обсчитывать, а может и вправду на то была особая милость Богородицы. Как бы то ни было, по прошествии нескольких лет после памятного сна, трактирщик на свои средства поставил церковь, получившую название «церковь святителя Филиппа», а в народе ее стали звать «церковь на капельках», (говорят недавно открылся ресторан «На капельках» – в честь того памятного трактира), и считалось, что прихожане пользуются особой милостью Матери Божьей.

Итак, раздав какую-то мелочь, которая оказалась в карманах, хищным старушкам-нищенкам, Аня зашла в церковь святителя Филиппа, где еще совсем недавно отпевали ее маму. К горлу Ани

подкатил комок, однако сегодня у нее уже были силы, чтобы не расплакаться, она закусила губу, купила несколько свечей, рассеянно огляделась и подошла к старой темной иконе «утоли мои печали» со стандартным сюжетом Богородицы с младенцем на руках. Почему ее привлекла именно эта икона, Аня не смогла бы объяснить, но ей показалось, что свечи нужно поставить именно здесь. Разместив большую часть купленных свечей около этой иконы и приложившись губами к окладу, Аня мысленно прочитала «Отче наш» – единственную молитву, которую она знала наизусть, и закрыла глаза, сосредоточившись на мамином образе в тайной надежде, что душа ее подаст какой-то знак или даже явится перед мысленным взором, однако этого как всегда не произошло. Аня открыла глаза. Взгляд ее упал на икону, и тут она в рассеянности захлопала глазами: икона чудесным образом преобразилась. Вместо закопченного свечами, не очень отчетливого образа на нее глядела, словно живая, средних лет, чрезвычайно привлекательная светлоглазая женщина с неуловимо-славянскими чертами и диадемой, вместо аскетического платка на голове. На руках же она держала такого же, словно ожившего ребенка – не младенца, а именно 4-5 летнего ребенка, причем совершенно отчетливо можно было разобрать, что это девочка, а не маленький Иисус, при этом волосы девочки были пшенично-светлые, глаза голубые, а на голове маленькая золотая коронетка. Но особое удивление Ани вызвало даже не это, а то, что лицо этой девочки было поразительно похоже на лицо другой, более старшей, летящей на динозавре – лицо самой Ани в детстве. Одновременно с этим возникло чувство, что нечто подобное она уже видела и не раз, что ей когда-то прежде приходилось не только наблюдать оживающие иконы, но и разговаривать с ними, правда, где и как это происходило, вспомнить она не могла.

Видение продолжалось несколько секунд, и достаточно было Ане моргнуть, как все стало на свои места: Богородица по-прежнему скорбно глядела на младенца, больше напоминавшего уменьшенную копию взрослого человека, случайные посетители медленно прогуливались по церкви, разглядывали иконы, ставили свечи. Служба уже закончилась, и можно было вести себя по своему усмотрению. Мимо Ани прошла одна пожилая прихожанка, другая, обе

осуждающе поглядели на Анину голову, но замечание не сделали. По всему было видно, что никто из посетителей не заметил чудесного преображения иконы «Утоли мои печали».

«Значит, – подумала Аня, – это мой собственный глюк, а в действительности икона как была, так и осталась. Что же это такое? Никогда ничего подобного раньше не было, я эту икону уже много раз видела, и ничего чудесного с ней не происходило. Это уже третий глюк за последние полчаса».

На всякий случай Аня еще несколько раз похлопала глазами, но икона больше не преображалась, тем не менее у Ани возникло чувство сожаления, словно икона хотела ей что-то сказать, но Аня сама каким-то образом помешала ей это сделать. В третий раз мысленно сказав себе, что ей и вправду пора обратиться к врачу, Аня, у которой осталось еще три свечи, пересекла зал и подошла к другому, более крупному и старому образу, который, как она знала, назывался «Сшествие во ад», где Иисус Христос внутри золотого эллипса нисходит в мрачную преисподнюю к ужасу коричневых чертей, приснувших в разные стороны от источника Божественного света, а главный и самый большой бес – сатана, прикованный к скале, в бессильной злобе скалит свою звериную пасть. Постояв какое-то время рядом с образом, Аня поставила около него оставшиеся свечи, как положено, перекрестилась и мысленно прочитала молитву. Как она и предчувствовала, поразительный эффект, случившийся с соседней иконой повторился. Икона засветилась, а затем словно бы ожила, при этом в сюжете так же произошли значительные перемены. Прежде всего, вместо Иисуса Христа в эллипсе находилась уже молодая женщина в белых одеждах, в которой, при внимательном взгляде, можно было угадать ту девочку, которую держала в руках величественная женщина на предыдущей преображенной иконе, то есть саму Аню, но какого-то облагороженного облика, при этом на голове ее так же сияла неземным светом маленькая коронетка. Преисподняя также преобразилась: вместо огромной каменной пещеры, она уже больше напоминала мрачный город чем-то похожий на московский кремль как бы выполненный в стиле кубизма, где все архитектурные детали представляли собой конструктивистские прямоугольные формы – да и вообще город выглядел составленным

из конструктора. К тому же вместо классических хвостатых чертей Аня увидела щуплых голых муравьиноподобных существ с выпученными глазами, висящими на стебельках и усиками-антеннами. Ко всему прочему Ане показалось, что эти существа словно бы выполнены из белых и серых зерен, как на полотнах художников-пуантилистов. Над зданиями же проносились непонятные рваные полотно-тени вперемешку с устрашающими крылатыми драконами. Но и это еще не все. Прямо под этим городом обнаружился второй ярус, со всех сторон стиснутый мрачными глыбами основания, в середине которого словно бы играл солнечный зайчик, и когда Аня внимательно взглядела в него, то там обнаружился вполне земной пейзаж, который тут же словно бы наехал на нее и освободился от оков мрачного города. Аня увидела величественную реку, протекающую мимо высоких холмов, с дальним лесом на противоположной стороне, на одном же из холмов возвышался русский княжеский терем с золочеными куполами-луковками. Еще через мгновение терем стал прозрачным, и Аня увидела в центральном зале огромного роста, почти касающуюся головой потолка женщину в белых ниспадающих туманом одеждах, с сияющей диадемой поперек высокого лба. Напротив нее, словно во время беседы, стоял молодой человек, не достающий ей и до пояса, в, казалось бы, совсем абсурдно выглядящем здесь туристическом одеянии, и в такой же неуместной к этому одеянию золотой короне на голове, по стилю очень напоминающей ту, маленькую, венчающую голову девушки, вместо Христа сходящую во ад...

Величественная женщина что-то произнесла, Аня только не сумела расслышать, что именно, и в этот момент снова моргнула. И великанша, и юноша, и терем тут же исчезли, все вернулось на свои места, и только тогда Аня поняла, какое словно произнесли уста величественной женщины, которая, как показалось Ане, очень была похожа на ту, из первой иконы, с ребенком, но черты ее лица гораздо больше, чем у первой подчеркивали именно русскую принадлежность, в то время, как у второй они не носили выраженного национального характера. Итак, губы великанши произнесли слово «помоги», и просьба эта обращалась именно к Ане, а не к своему собеседнику. Кроме того, и молодой человек в короне показался ей

знакомым, но об этом чуть позже.

«Так-так, – подумала Аня, рассеянно выходя из церкви и смущенно минуя ряд все тех же старушек, тянущих к ней свои скрюченные руки, – совсем ку-ку, бред наяву, и чем дальше, тем затейливее. Мало того, что я, оказывается, на динозавре летала, но к тому же успешно заменила Иисуса Христа и приняла участие в какой-то загробной истории, да еще в разном возрасте. Как-то мало это возвращение памяти напоминает, скорее бред величия на фоне шизофренических галлюцинаций. Мало того, что корона на голове, так к тому же какая-то добрая волшебница у меня явно помощи просила (кстати, по-моему ничего в Священном писании о ней не говорится). И этот молодой человек (тоже в короне) хорошо мне знаком, именно его сегодня утром, проснувшись, я видела – и во сне и после сна, вот только без короны он был. Тут в голову ей пришло еще одно удивительное сопоставление (для нее, но не для нашего внимательного читателя). Она припомнила, что когда-то в десятилетнем возрасте была с мамой в Трускавце, и ее соседом оказался симпатичный мальчишка, ее ровесник, который по непонятной причине ее заинтересовал. При этом – она это хорошо заметила – он явно хотел с ней познакомиться, но так и не решился, а она поймала себя на той же мысли, тем более, скучала в Трускавце, не имея с кем из детей перекинуться словечком, но, разумеется, подойти к мальчику первой было верхом неприличия, к тому же у нее в то время и не было друзей среди мальчишек. (Разумеется, родной брат – не в счет, он, будучи на шесть лет ее старше, относился к Ане как к малявке, снисходительно равнодушно, а порой, при отсутствии родителей, обижал ее и всячески третировал, благо что девочка никогда не жаловалась). Ну а развязка этой истории была и вовсе неприличной. Как-то она открыла дверь туалета в саду, и обнаружила этого самого мальчишку на толчке со спущенными штанами. Разумеется, после такого конфуза (она почему-то и сама жутко сконфузилась) ни о каком знакомстве не могло быть и речи, тем более вскоре после этого события мальчик уехал со своей мамой. Ну так вот, если этого мальчишку с зелеными глазами и пышной шапкой каштановых вьющихся волос состарить лет на 10-15, то он бы как две капли воды походил на молодого человека из ее снов и видений. Она никак не могла понять, почему

именно этот эпизод из ее детских воспоминаний долго не шел из головы: мало ли она встречала в своей жизни особой противоположного пола? И в детстве, когда те бесились и дергали девчонок за косы, чтобы обратить на себя внимание, и позже, в юности, когда за ней всерьез многие пытались ухаживать и оказывать всяческие знаки внимания, и лишь ее странное безразличие к вопросам пола – ее некий комплекс Снегурочки – рано или поздно всех их отталкивал. Несомненно, именно этот комплекс Снегурочки был причиной тому, что при всей своей привлекательности, начитанности и уме, у Ани в свои неполные 19 лет не было ни одного серьезного романа. Она даже ни разу по настоящему не целовалась с молодым человеком, даже со своим официальным женихом, Виктором, поскольку Виктор вел себя уж чересчур по-джентльменски, очевидно уловив Анино равнодушие к противоположному полу, как видно принимаемое за фригидность. Сама же Аня, не отвергая слишком явно ухаживания Виктора, в роли своего суженого воображала почему-то того самого мальчишку-соседа по отдыху в Трускавце, и это его неожиданное вторжение в ее жизнь в образе чрезвычайно ярких видений очень ее сейчас взволновало. И все это, несмотря на тот факт, что видела его в десять лет со спущенными штанами, сидящим на толчке: если что-то подобное произошло бы с Виктором, да и с любым другим, она никогда не смогла бы продолжать с ним хоть какие-то отношения. Тут ей припомнился еще один эпизод из ее никому не ведомой жизни, о котором она не рассказывала даже маме, а в последнее время почти забыла. Все дело было в странном сне, который она видела незадолго до поездки в Трускавец. Сон этот был каким-то необычно-реальным, гораздо реальней тех смутных, спутанных снов, от которых поутру остается лишь несколько фрагментов либо они забываются полностью. Этот же сон она помнила во всех деталях, и лишь по прошествии многих лет он потускнел и отчасти забылся. В этом сне она встретила с неким мальчиком, которого сама же позвала, на берегу дивного аквамаринового моря, веющего безмерной древностью... наверное, правильнее сказать – вечностью, несказанным покоем и умиротворенностью. Рядом с ними на песке стоял какой-то фантастический, возможный только во сне, макет замка, вроде бы сделанный ей самой из песка, но такой причудливой формы, нару-

шающий все законы гравитации и перспективы, что его, разумеется невозможно было сделать не только из песка, но и из какого-либо другого материала. Позже нечто подобное она увидела на гравюрах художника Эшера. Она помнила, что вела с этим мальчиком какую-то чрезвычайно важную беседу, рассказывая ему такие сакральные вещи, о которых не имела никакого понятия в реальном мире. О чем, конкретно был этот разговор сейчас она вспомнить уже не могла, но помнила, что ощущала себя кем-то другим, кем она была на самом деле – не десятилетней девочкой (хоть выглядела именно так), весьма ограниченного кругозора и средних способностей, но гораздо мудрее и древнее, приобщенную к великим тайнам мироздания, видевшую иные миры, где с ней происходили удивительные события. При этом ощущения были чрезвычайно реальными, и в том сне она нисколько не сомневалась, что она, Аня Ромашова – совсем не та, за которую себя принимает в дневной жизни, что эта, дневная, – нечто вроде осознающей себя маски, за которой прячется настоящая. Потом этот мальчик, получивший от нее какую-то неведомую инициацию, купался прямо в одежде в море, а она осталась на берегу, поскольку даже там, в сновидении не умела плавать (она и до сих пор не умеет), а выйдя на берег протянул ей горсть розовых жемчужин и кораллов, которые удивительным образом превратились в ожерелье. Она же со своей стороны подарила ему медальон из пейзажного оникса, правда, откуда его взяла – сама не помнит. Потом был чарующий голос свысока – кому он принадлежал, в тот момент она хорошо знала – но теперь это было для нее загадкой, и сон прервался, она же долгое время оставалась под его впечатлением, а в сознании звучали непонятно откуда взявшиеся строки песни, которую она пела, когда строила замок из песка:

Помнишь из детства
Света пургу
Мальчик и девочка
На берегу...

Сейчас она дальше не помнила, но тогда, в детстве, кажется, знала полностью слова этой песни и мелодию.

Каково же было ее удивление, когда по приезде в Трускавец она увидела точную копию этого мальчика из сна, которого она запомнила с неестественной отчетливостью. Собственно, этим и объяснялся тот удивительный интерес к его персоне, которого она не испытывала ни к одному мальчишке. И вот теперь он снова появился на сцене в своем мистическом ореоле.

После всего случившегося Аня не пошла к Садовому кольцу, она побоялась, что по дороге ее снова начнут преследовать видения, словно обратный путь мог уберечь ее от чего-то подобного. Впрочем по дороге домой ничего необычного с ней больше не случилось, кроме не проходящего и совершенно сейчас неуместного чувства праздника, и мысли о том, что она должна была страшно испугаться того, что у нее, по всем признакам, произошло обостренное психического расстройства, которое она перенесла в детстве, однако, почему-то не испугалась.

В эту ночь Аня впервые заснула без снотворного, а так же впервые видела маму во сне. Мама была совсем как живая, они вместе ходили по чудесному августовскому корабельному лесу, собирали грибы и говорили о каких-то пустяках, при этом Аня все время хотела спросить маму о чем-то важном, но не могла вспомнить, о чем именно. Затем мама неожиданно куда-то пропала, и когда Аня стала аукать, то мама отозвалась где-то не так далеко, за деревьями, но куда Аня туда добралась, мамы там не оказалось, а голос ее раздавался совершенно с противоположной стороны. Аналогичным образом продолжалось все сновидение, маму Аня так и не нашла, как дворник Тихон – из бессмертных 12 стульев – лошадь, и проснулась с чувством, что не узнала у мамы чего-то очень важного – вот только сам вопрос забыла. Вскоре позвонил Юра и сказал, что договорился с доктором Левиным на сегодня, и что он через час к Ане заедет.

ГЛАВА 2

ВИЗИТ К ДОКТОРУ ЛЕВИНУ

Как Юра и обещал, приехал он примерно через час после звонка. Аня знала, что его засекреченное КБ находится где-то неподалеку, однако где именно он не говорил, ссылаясь все на ту же секретность, но как-то намекнул, что Аня не раз мимо его фирмы проходила, но табличка, висящая на двери этой загадочной организации отнюдь не соответствует истинному роду занятий сотрудников, находящихся условно за этой дверью. Назвал даже длинное название – что-то вроде главпроект... как дальше Аня не запомнила.

– Ты сегодня, я смотрю, гораздо лучше выглядишь, – сказал Юра приветственно чмокнув сестру в щеку, – и глаза ожили, и цвет лица появился. Да и будить тебя не пришлось. Ты как себя чувствуешь?

– Сегодня уже лучше, сегодня без люминала спала, – постаралась как можно бодрее ответить Аня, – и насчет мамы как-то все притупилось. Вообще такое чувство, что начала к жизни возвращаться... хотя... – тут она запнулась и замолчала. Вначале ей хотелось рассказать брату о том, что с ней вчера произошло по пути в церковь и в самой церкви, но тут словно какая-то неведомая сила запечатала ей уста, и она поняла, что ни о чем таком сокровенном брату рассказывать нельзя. Юра всегда издевался над ее фантазиями и с некоторых пор Аня вообще перестала говорить с ним о чем-то нематериальном. Хотя, с другой стороны, он вроде бы изменился и сам поднял вопрос о паранормальном прошлом сестры, и если он всерьез рассчитывал на восстановление у нее прежних способностей, то по идее – наоборот, следовало бы рассказать, поскольку то, что вчера с Аней произошло как раз и можно было отнести к области паранормального.

– Что «хотя», – подозрительно посмотрел на нее брат.

– Да так, – убрала Аня глаза, – сон один приснился, будто мы с мамой грибы собирали, а потом я ее потеряла. Каждую ночь после смерти мамы я хотела ее во сне увидеть, и только вот сейчас увидела. Я думала она мне что-то важное расскажет, но ничего не рассказала.

– Мне бы твои заботы снисходительно посмотрел на нее брат, я по-моему вообще никаких снов не вижу. Ну, может и вижу, только

не запоминаю. И что тебя так заиклило маму во сне увидеть? Образы сна – это то, что в подкорке спрятано, и никакого отношения к маминой душе не имеют. Так что ничего эта, так сказать, мамина душа тебе сообщить и не могла, а если бы и рассказала, то это было бы то же самое, что ты сама себе что-то поведала, то есть только то, что ты и без того знаешь. Ладно, поехали, а то я только на два часа отпросился, так что я тебя до диспансера довезу, с доктором познакомлю и сразу обратно. Ты сама ему все расскажешь, а я ему уже все рассказал, что знал о твоём случае.

– Постой, постой, – вдруг встрепенулась Аня, – до какого диспансера?!

– До психоневрологического.

– Что?! – возмутилась девушка, – до какого психоневрологического?! Ты мне ничего об этом не говорил, я думала, это будет частный визит, а так ни в какой диспансер я не поеду! Я не шизофреничка какая-нибудь, не хватает чтобы меня еще на учет взяли!

В этот момент Аня припомнила муссировавшиеся в то время в стране слухи об использовании комитетом госбезопасности психиатрической службы для расправы с диссидентами и как после подобного лечения здоровые и активные люди превращались в тихих дурачков и зомби.

– В общем, – оборвала она свою гневную тираду, – ни в какой диспансер я не поеду, я психиатрам не доверяю, они в нашей стране не столько душевнобольных лечат, сколько со всякими диссидентами расправляются.

– Ты соображаешь, что говоришь, – возмутился Юра, – ты понимаешь, в какое дурацкое положение меня ставишь?!

– Все я прекрасно понимаю, а про их методы мне еще папа вскользь упоминал. А уж он-то был в курсе, сам знаешь, кем он до войны работал!

– Успокойся, успокойся, – быстро остыл Юра, – ты что ж, всерьез вообразила, что я родную сестру сдам психиатрам, которые занимаются политзаключенными? Сколько же в твоей головке намешано! Не беспокойся, я прекрасно знаю об их методах, и смею тебя уверить, получше тебя. Во-первых этими вопросами занимаются только специальные отделения психиатрии, и обычный районный

диспансер, куда я собираюсь тебя отвезти, к подобным службам не имеет никакого отношения. А во-вторых я тебя и не собираюсь через тамошнюю бухгалтерию проводить, мне это так же, как и тебе не нужно, Мы ко Льву Матвеевичу частным образом приедем, во внерабочее время, у него официальный прием во второй половине дня. Просто это место самое удобное. Дело в том, что он на нашу фирму только консультировать приезжает по вопросам... ну, кое-каких экспериментов, я о них тебе пока ничего сказать не могу. Туда тебя никто не пропустит, даже со мной, там специальный допуск нужен. Я сначала думал, он тебя дома примет или к нам приедет, я, честно говоря, ожидал такую твою реакцию на диспансер, но он сказал, что это ему неудобно, что у него на месте (а его основное место работы – как раз тот самый диспансер бабушкинского района) все необходимое для работы и аппаратура разная, которую он не может с собой таскать. Да и вообще, – Юра поглядел на Аню насмешливо, – ты слишком много о себе возомнила, если думаешь, что представляешь какой-то интерес для КГБ, что они готовы на тебя свои силы, средства и специальные службы тратить. Им больше делать нечего, чем со всякими сопливыми девчонками заниматься, у них и без тебя дел предостаточно.

«А ведь и правда, – подумала Аня, – чего это меня понесло, тоже мне революционерка-правозащитница выискалась!»

Трудно сказать, почему, но у Ани очень рано выработалось резко негативное отношение к существующему режиму, при любви к своей родине в целом. И это несмотря на сдержанную лояльность в отношении советского строя в ее доме, хоть и с долей скепсиса и критики отдельных недостатков, как в любой интеллигентной семье. Родители при разговоре с детьми старались обходить эту тему, тем более, что никто из ближайших родственников в годы репрессий не пострадал, да и вообще, ничем конкретным советская власть семью не обидела, ну, разве тем, что до 64 года все они ютились в коммуналке. Аня сама себе не могла объяснить, почему так не любила советскую власть, правда, слава Богу, в силу замкнутости ни с кем своими политическими убеждениями не делилась, поэтому об этом ее скрытом дисиденстве так и не стало известно в школе.

– Ладно, – примирительно сказала она брату, – это у меня, навер-

ное, был какой-то неосознанный импульс. Разумеется диссиденты, подвергающиеся психиатрическим репрессиям, не имеют к моему случаю никакого отношения, это, наверное, у меня подсознательный страх к твоему психиатру, тем более я краем уха слышала, что любой человек хоть раз оказавшийся в псих-заведении, на всю жизнь попадает под наблюдение. Его ставят на учет и даже если он в дальнейшем совершенно нормальный, его и не на всякую работу берут, и за границу не пускают.

– Начнем с того, – сказал Юра, раздраженно поглядывая на свой новенький, сияющий кварцевым стеклом «Ориент» – труднодоступная мечта любого советского обывателя, – что ты уже лежала в соответствующем заведении в 8 лет после этой злополучной лаборатории, а значит и на учет поставлена. И я не припомню, чтобы тебе это где-то как-то мешало. Насчет твоего провала в ВУЗ – не беспокойся, там сбой по другой причине произошел, я специально узнавал. Все это – не тебе в обиду, просто я констатирую факт. Во-вторых я уже объяснял, что это неофициальный прием, сколько можно! И в-третьих, чтобы закончить этот ненужный разговор: Лев Матвеевич не психиатр, а психоаналитик, использующий в своем арсенале не столько лекарства, сколько аналитические методы Фрейда, Юнга, Хайдеггера и еще Бог знает кого, я не запомнил. На западе, между прочим, любой мало-мальски состоятельный человек имеет своего психоаналитика, к которому обращается по любому психотравмирующему поводу. Сама понимаешь – потогонная система, хронические стрессы...

– У нас же Фрейда не признают, – сказала Аня, – и тех остальных, по-моему, тоже.

– А, – махнул рукой Юра, – у нас много чего не признают по идеологическим соображениям, а неофициально для определенного круга используют, по-другому это называя, чтобы идеологическую невинность соблюсти. Как известно, Фрейд считал, что причина практически всех психических – да и не только психических – отклонений скрыта в сексуальной сфере человека, в его тщательно скрываемых комплексах. Естественно, наши идеологи такого безобразия пропустить не могли, у нас, как известно, в стране секса нет. Тем не менее – система-то его работает, вопреки Марксу, Энгельсу и

Ленину, а значит можно, закрыв глаза на последнее, использовать ее для строго ограниченного и сознательного контингента, не называя сексуальную сферу сексуальной, а психоаналитиков – психоаналитиками. Думаю, со временем к власти придут более прагматичные люди, которые отменят всякое идеологическое кокетство, и назовут вещи своими именами. В нынешнем среднем управленческом звене давно уже немало здравомыслящих, незашоренных людей, и их время придет, когда вымрут наши мастодонты из политбюро. Так вот, все это те так важно, а важно то, что Лев Матвеевич, числясь официально у себя на работе психоневрологом, на самом деле является психоаналитиком, и обучался этому методу в Швейцарии, что, как сама понимаешь, немногим удастся. Я знаю, что он там даже принимал участие в работах, связанных с применением ЛСД, пока этот препарат не запретили, как наркотический. Говорят, тогда особенно интересные результаты получались, правда, я не знаю, какие. Но, наверное, дело не в ЛСД, навряд ли он что-то подобное тебе предложит, за это немалый срок можно схлопотать,, наверное дело в том, что метод психоанализа и прочих продажных девок империализма – уж не знаю каких – он получил из первых рук, так что можно поручиться за достоверность. К тому же, говорят, он уникальный гипнотизер, а в твоем случае, как он говорил, после того, как я о тебе подробно рассказал, очевидно без гипноза не обойтись. Если бы ты знала, какие у него боссы лечились, разумеется инкогнито! – добавил Юра несколько не по теме – и ничего, все очень неплохо сочеталось с «единственно верным учением на земле», о котором они с официальных трибун долдонят.

– Что-что? – усмехнулась Аня, – я от тебя таких неправильных речей никогда не слышала! Ты ж бывший комсомольский лидер, ты ж с трибуны всякие бодрые речи и идеологически выверенные программы вещал!

– Подумаешь, – хмыкнул Юра, – мало ли что я с трибуны вещал! Если бы ты была на моем месте, и ты бы вещала, что начальство прикажет. Что ж я из-за такой ерунды, как несогласие с тем, что с трибуны говорю, буду себе карьеру портить?! Запомни, сестренка, что в нашей стране добивается успеха только тот, кто думает одно, говорит другое, а делает третье. Это ты у нас блаженная, ничего для

себя лично не надо.

– А по-моему, – пожала Аня плечами, – как раз – наоборот, твоя формула успеха в нашей стране напоминает басню Крылова «Лебедь, рак и щука». Как известно из басни, результат подобной ситуации в том, что «воз и ныне там».

– Это, может, во времена Иван Андреича никого не устраивало, – нисколько не обиделся Юра, – а в наше время вышестоящие инстанции больше всего и заинтересованы, чтобы воз всегда был там, а тот, кто это торжественное топтание на месте обеспечивает, сам может неплохо продвигаться по службе, главное – видимость создавать. Ладно, мы так до бесконечности можем в острословии соревноваться, а мне еще сегодня на работу надо, так что давай, собирайся. По поводу оплаты можешь не беспокоиться, я этот вопрос на себя беру, у тебя все равно нет ничего...

– Да я, собственно, готова, – вздохнула Аня, уязвленная справедливым Юриным замечанием, что у нее «нет ничего», – что-нибудь брать с собой?

– Да он, вроде ничего не говорил... ах, да, сказал, что неплохо бы было принести выписки из больницы, где ты в восемь лет лежала.

– По-моему, ничего не сохранилось, – сказала Аня, – по крайней мере, я о них ничего не знаю. Может, пропали при переезде, а может и папа их уничтожил по старой памяти, он всегда старался улики уничтожать...

– Это точно, – согласился с ней Юра, – в том числе и полезные.

Брат и сестра вышли из дому, сели в машину (те, кто видел их впервые, никогда не признавали, что они брат и сестра – ни внешне, ни по характеру) и Юра поехал по проспекту Мира от центра, затем свернул в районе ВДНХ и припарковался около достаточно характерного четырехэтажного заведения, со всех сторон окруженного весьма захламленным лесопарком, который в своей более культурной части был известен, как ботанический сад им. Цицина. На здании висела стандартная табличка, отзывавшаяся неприятным эхом в Аниной памяти: Психоневрологический диспансер № 11 Бабушкинского района Минздрава РСФСР.

Юра решительно прошел мимо регистраторши, исполняющей, очевидно, и роль охранника, он, в отличие от Ани, держался всегда

очень уверенно и нагло и мог ногой открыть дверь в кабинет любого начальника, когда того требовала необходимость. Очевидно сказывался навык бывшего комсомольского функционера.

– Эй, мужчина, – кинула им в спину худая, злобного вида регистраторша, почему-то обращаясь только к Юре, – вы по какому вопросу? У нас, между прочим, положено верхнюю одежду снимать и талончик на посещение брать. Вы к какому врачу?

– Мы к доктору Левину, – многозначительно обернулся к злой тетке Юра, – он нам назначил.

– Ах, ко Льву Матвеевичу! – неожиданно заулыбалась церберша. Голос ее стал ласковым, – так бы сразу и сказали, – добавила она, словно выясняя цель визита долго и упорно, – он в 24 кабинете, на втором этаже.

– Мне это известно, – ледяным тоном сообщил Юра, – еще вопросы есть?

Поскольку вопросов больше не последовало, он решительно двинулся к лестнице, а следом за ним прошмыгнула и Аня, так и не вызвавшая никакого охранного рефлекса у злобной работницы регистратуры. Пройдя по коридору мимо нескольких небольших группок, как показалось Ане пришибленных, испуганных пациентов, терпеливо ожидавших своей очереди у кабинетов, брат с сестрой вошли в просторный холл, заставленный горшками с разнообразными комнатными растениями, и Юра без стука вошел в одну из дверей, около которой не было народа. Они оказались в светлом, чрезвычайно стильно обставленном помещении, обстановкой мало напоминающем стандартный медицинский кабинет. С порога сразу жешибануло сладким сандаловым запахом индийских благовоний (в те годы известный далеко не всем), при этом дверь задела прилаженное над косяком незамысловатое китайское устройство из нескольких разной длины латунных трубочек, издавших тончайшую трель, затихающую по мере успокоения колебаний на ниточках. Сам кабинет так же навевал мысли о востоке: на полках перед книгами во множестве виднелись разной величины и материалов фигурки индуистских и буддийских божеств, на стенах висели китайские и японские пейзажные и бытовые акварели на рисовой бумаге и шелке, над потолком были прилажены бамбуковые штыри

на которых висели несколько декоративных японских фонариков из той же рисовой бумаги с акварельными пейзажами. Соответствующий антураж придавали и расписанные шелковые веера на стенах и особое внимание привлекали большие замысловатые квадратные орнаменты, напоминающие сложнейшие лабиринты, словно бы нарисованные цветной гуашью. Под ними значились какие-то подписи то ли на санскрите, то ли другом каком языке со схожими буквенными обозначениями, и лишь под одним таким лабиринтом имелась подпись от руки на русском языке – очевидно перевод: Кала-чакра – мандала времени.

Ни эти образы, ни названия Ане ничего не говорили, тем не менее, глядя на них, она тут же почувствовала, что ее сознание словно бы втягивает внутрь этих изображений.

Так же нетипичным для стандартного медицинского кабинета тех времен были и большие плакаты с изображением полураздетых и раздетых древних китайцев (судя по прическам и глазам) в разных проекциях с нанесенными на них разноцветными неправильными линиями с точками и иероглифами. Отдельно можно было обратить внимание на несколько портретов бородатых и безбородых мужчин, среди которых попадались фотографии и рисунки как европейцев, так и китайцев с индусами – все Ане неизвестно, кроме разве что, Конфуция, портрет которого Аня видела в какой-то исторической книге. В общем кабинет выглядел весьма экзотично по тем временам, включая импортный телевизор Sony с какой-то приставкой и стереоустановку Pioneer – почти неосуществимая мечта советского обывателя семидесятых – рядом с которой стояла пластмассовая полочка с многочисленными кассетами. Большинство кассет имели подпись «Релаксация» и дальше следовали неизвестные Ане фамилии и названия. На отдельном столе стоял громоздкий, непонятного назначения агрегат – судя по окулярам – то ли микроскоп, то ли что-то офтальмологическое. Угол кабинета перегораживала шелковая ширма, явно японского происхождения, судя по Фудзияме, сакурам и гуляющим средневековым японцам.

Сам Лев Матвеевич восседал за массивным столом, инкрустированным карельской березой (вряд ли такой стол могла предоставить ему хозяйственная часть диспансера), и облик его мало ассоцииро-

вался как с явно восточным антуражем кабинета, так и с сионистскими образами, навеваемыми его фамилией. Был он без халата, одет в элегантную серую тройку, явно привезенную из-за границы, худощав, спортивен, с тоненькими усиками и прилизанными прямыми, явно покрашенными в радикальный черный цвет волосами, скрывающими начинающуюся лысину. Внешность его больше ассоциировалась не с врачом и не с раввином, а с итальянским или французским режиссером. О его профессии свидетельствовали только черные, острые глаза, которые цепко впились в пациента и, казалось, прощупывали насквозь.

– Здравствуйте, Юрий, – расцвел улыбкой Лев Матвеевич, поднимаясь из-за стола и протягивая Юре руку, – давайте знакомиться, – продолжил он, протягивая руку и Ане, при этом очень внимательно вглядываясь в ее лицо. Аня тут же поймала себя на мысли, что, помимо остроты, взгляд этот какой-то липкий и оставляет после себя не очень комфортное ощущение, словно впечатываясь в кожу. Впрочем, это был весьма характерный взгляд для молодящегося мужчины, которому за пятьдесят и который разглядывает молодую, привлекательную девушку. Она попыталась светски улыбнуться и представилась.

– Ну вот, – заторопился Юра, – я совсем в цейтноте, передаю сестренку в ваше полное распоряжение и надеюсь на успех... нашего абсолютно безнадежного предприятия, – добавил он зачем-то, но Аня знала, что у брата достаточно часто высказывают шаблоны, не всегда уместные к обстоятельствам.

– Зачем же так мрачно? – улыбнулся доктор, – я, напротив, рассчитываю на успех, иначе не предложил бы свои услуги. Разумеется, если мы имеем дело не с органикой, но, учитывая давность проблемы и молодость Анечки, вероятность органики ничтожна. Конечно, сознание и подсознание – наиболее сложные структуры человеческого индивидуума, и положив руку на сердце, ни один специалист не сможет сказать, что знает, как работает мозг. А те, кто говорили, что знают – будь то Бехтерев или Павлов – откровенно лукавили. По сути мы имеем дело с черным ящиком, где известно, что на входе и на выходе, а что происходит внутри – загадка. Однако если долго наблюдать эти известные исходящие и входящие факторы, то мож-

но подметить определенные закономерности и научиться ими в какой-то мере управлять. Конечно, есть всякие теории, что в этом ящике происходит, но не одна из них не описывает весь скрытый процесс в целостности, разве что верно отражают какие-то частности. Иногда угадывание частных, как это сделал Фрейд – вполне достаточно для успеха лечения определенных видов патологии. Ладно, не буду морочить вам голову, можете ехать на службу, тем более с Анечкой нам лучше побеседовать тет-а-тет: наличие постороннего человека – пусть даже родного брата – может исказить ответы, а мне нужны именно непосредственные реакции.

– Последний вопрос, Лев Матвеевич, – сказал Юра уже держась за дверную ручку, – что такое «органика» в медицинском смысле? Вы сказали, что в случае органики не стоит рассчитывать на успех.

– Это довольно широкое понятие, – развел руками доктор, – сюда можно отнести и различные опухоли, и инсульты, и коллагенозы, и тяжелые травмы с гибелью каких-то участков мозга... как вы, наверное, знаете, нервные клетки не восстанавливаются.

– Ясно, – хмуро кивнул головой брат, – надеюсь, к Анютке это не относится.

– Более, чем уверен, что нет, – улыбнулся доктор, – думаю, тут мы имеем дело с функциональными, обратимыми нарушениями, а какими – предстоит выяснить.

Итак, Юра покинул кабинет, а Аня осталась наедине с доктором Левиным. Она по-прежнему робела, но, тем не менее, с интересом разглядывала кабинет необычного специалиста. Почему-то ее особенно заинтересовали два портрета: один из них – цветная фотография в рамке какого-то средних лет, очень смуглого, почти чернокожего мужчины, скорее всего, индуса, с шарообразной, курчавой шапкой волос в оранжевом одеянии (впоследствии Аня узнала, что такая одежда называется «педжаб») с огромной, до земли гирляндой цветов на шее. Мужчина загадочно улыбался и держал между пальцев какой-то блестящий предмет, напоминающий золотое перепелиное яйцо, словно демонстрируя его невидимой публике.

Другой портрет представлял собой совершенно неопределенного возраста и пола лицо с длинными, ниже плеч прямыми темными волосами и огромными глазами инопланетянина. Это была явно фо-

тография с рисунка, причем у Ани создалось впечатление, что художник никогда не видел этого человека и рисовал по описанию, либо по очень плохой фотографии – слишком уж обобщенным выглядело это не совсем человеческое лицо.

– Что, заинтересовал мой кабинет, – усмехнулся доктор Левин, – разумеется, обстановкой занимался я сам, на свои средства и, если бы не звонок высокого покровителя, администрация мне бы такого безобразия не позволила. Зато теперь все довольны, мой кабинет хозрасчетный, и часть вырученных мною средств идет в нищенский бюджет диспансера. Но на это мне особые разрешения потребовались, не в Америке живем...

– Да, красиво, – туповато отреагировала все еще робеющая Аня, – а кто это, – указала она на два портрета, которые привлекли ее внимание, хотя на стене их висел с десяток. Очевидно, в свободное от пациентов время Лев Матвеевич любил мысленно пообщаться с Великими и спросить у них совета и помощи.

– А почему вас именно эти лица заинтересовали, тут же много портретов, – внимательно посмотрел на нее Левин.

– Сама не знаю, – пожала плечами Аня, – а это важно?

– Считайте, что это первый тест для диагностики вашего психо-эмоционального состояния.

– Они какие-то другие, отличающиеся от остальных, – попыталась объяснить свой выбор девушка.

– Тем, что они по виду индусы? – поинтересовался Левин.

– Я не думала об этом, тут другое. Такое впечатление, что за ними стоит что-то очень– очень большое, гораздо большее, чем просто внешняя оболочка... но я не могу сказать, что именно, я не нахожу нужных слов.

По лицу доктора Левина пробежала тень одобрения и чувство типа: «вот ты какая! Не ожидал»:

– В общем-то, Анечка, за каждым из нас стоит нечто большее, чем внешняя оболочка, и каждая фотография несет в себе невидимую простым глазом голограмму, отражающую нашу скрытую природу и даже болезни. Но что касается этих двух фотографий – с натуры, не трудно догадаться только одна – то это действительно очень необычные люди, хотя тут у меня, разумеется, все великие.

Дело в том, что каждый из них является по индийской традиции аватаром высшего божества. Этот, совсем темный, в оранжевом педжабе – Сати Саи Баба – аватар Шивы, а тот, на снимке с рисунка – Бабаджи – аватар Вишну.

– А что такое «аватар», – поинтересовалась Аня, – Шива и Вишну – это я знаю, это индийские божества. Вишну – хранитель, Шива – разрушитель вселенной... не хватает только Брахмы, творца.

– Аватар означает воплощение божества в человеке... впрочем, не только в человеке. Согласно индийским традициям, в каждом личном я в какой-то степени проявлен Бог, но в каждом – в разной. Понятие «аватар» означает максимальное проявление этого божественного я в личности. Если проводить известные аналогии, то аватаром был Иисус Христос.

– Но ведь в Евангелии говорится, что Иисус был сыном Божиим, причем единственным...

– Что такое, Сын Божий? – снисходительно улыбнулся доктор Левин, – каждый из нас в какой-то мере сын Божий. Индийская традиция не ограничивает Бога возможностью иметь одного сына, это – принижение божественного всемогущества. Индусы дают этому понятию несколько иной аспект, не чисто родительский. Аватар подразумевает максимальное проявление Божественного сознания в ограниченном и хрупком человеческом теле. Он так же подразумевает и определенные Божественные Силы и Энергии, присущие такому человеку. Ведь вы не атеистка? – неожиданно прервал он свою вдохновенную речь.

– Я верю в Бога, – просто сказала Аня, – хотя в моей семье все неверующие... были, – добавила она с усилием, – папа умер семь лет назад, а мама... не прошло и двух недель... но это к делу не относится. Правда, наверное, я плохая верующая, на службу не хожу, посты не соблюдаю, не исповедуюсь, не причащаюсь. Захожу только иногда в церковь, чтобы просто постоять, иконы посмотреть, духом этим, что ли, проникнуться. А как вы догадались, что я не атеистка?

– Научился по внешнему виду определять, – усмехнулся доктор Левин, – психоаналитик должен с порога видеть некоторые основополагающие характеристики пациента. Разумеется, для более глубокого анализа нужны более объективные и более трудоемкие методи-

ки... но возвратимся к вашему первому вопросу. И тот и другой, изображенные на портретах – реальные исторические фигуры, причем Саи Баба наш современник, ему что-то около пятидесяти и он живет на юге Индии в маленьком городке Путапарти близ Бангалора, где он основал ашрам для своих преданных и учеников. И постоянно удивляет мир всяческими чудесами. Что же касается Бабаджи, то сколько ему лет не знает никто, считается, что около тысячи, время от времени он то пропадает, то появляется вновь и сейчас, якобы живет со своими учениками где-то в горах Дрангири недалеко от города Ранихета. Согласно индийской традиции его называют учителем учителей или Махамуни и более подробно об этой загадочной фигуре можно прочитать в книге свами Йогананды «Жизнь йога».

– Вы верите во все это? – с интересом спросила Аня. В той жизни, о которой она помнила ей не приходилось ни с кем беседовать на тему восточной эзотерики, и ее религиозные представления, помимо веры в сверхъестественное, ограничивалось весьма поверхностным знакомством с Ветхим и Новым заветом, которые в свое время раздобыл Юра, когда держать Библию на книжной полке стало престижным. При этом поверхностное знакомство с этими великими книгами объяснялось не отсутствием интереса к тематике, а весьма неприятным ощущением, которое возникало у Ани особенно при чтении Евангелия: обычно не очень сильное чувство чего-то забытого – то ли фактов, то ли знакомств, присущее ей постоянно, при попытках читать священное писание усиливалось многократно и становилось мучительным. Тогда появлялась навязчивая мысль, что ни вспомни она сейчас – чего – непонятно, случится какая-то катастрофа, а вспомнить что-то конкретное никак не удавалось. И еще, держалось такое чувство, словно некто неведомый не желает, чтобы Аня ознакомилась с этими документами.

– Я не беру ничего стопроцентно на веру, – сказал Лев Матвеевич, – но и ничего стопроцентно не отрицаю. Некоторые явления нашей жизни невозможно рационально объяснить на уровне существующих знаний, однако мне приходилось несколько раз сталкиваться с такими вещами, которые никак не вписывались в категории диалектического материализма, а в ряде случаев – вообще не находили рационального объяснения. Поэтому на вопрос о том, верю ли

я в то, что человек прожил более тысячи лет, постоянно при этом совершая разнообразные чудеса, я могу ответить только одно – не знаю. Что же касается вопроса, почему я повесил здесь портреты заинтересовавших вас индусов, то я много лет изучаю, и по мере сил и времени практикую различные восточные системы, в том числе некоторые виды йоги. Могу со всей ответственностью заявить, что древние индусы знали о человеке и в частности о его сознании гораздо больше, чем знаем мы. Юнг и Хайдеггер сравнительно недавно открыли вещи, о которых древние индусы знали давно, причем для них это элементарные, начальные вещи. Разумеется, читая старинные трактаты (к сожалению, переводы), порой трудно понять, что их авторы имели в виду под тем или иным термином, тем или иным понятием – как правило этого не знал и сам переводчик.

Да и не только индусы: то же можно сказать и о древних китайцах, тибетцах, парсах-заратустрийцах, египтянах. Да что там эти! Казалось бы, хорошо изученные и понятные нам древние греки, не совсем понятны, как нам казалось до недавнего времени на основании книжечек типа «Легенды и мифы древней Греции» Куна. Детальное изучение Орфических, Дельфийских и Пифагорейских мистерий заставляет понять, что тайные, эзотерические знания древнегреческих жрецов и оракулов о человеке и космосе были не менее глубоки, чем у индусов и китайцев. Не менее глубокие знания в этих областях были и у иудейских кабалистов, и у кельтских друидов, и у славянских ведунов-офеней. К сожалению, работы в этих направлениях ведутся лишь немногими энтузиастами, включая и вашего покорного слугу, и те немногие методы, которые удается освоить из альтернативной медицины не признаются официальными представителями нашей зашоренной, идеологизированной медицины, поэтому сейчас приходится заново открывать Америку, а до ее полного освоения и вообще далеко, как до звезд. Ну, ладно, Анечка, возможно тебе кажется, что мы сильно отвлеклись от темы, но на самом деле это так же входит в тему и мою работу. Психоаналитик – вообще больше мастер разговорного жанра, в отличие от современного доктора, выписывающего после минутной беседы и кучи анализов по одной таблетке три раза в день. Психоаналитик же, чтобы узнать с чем он имеет дело, должен очень о многом пере-

говорить со своим пациентом, в том числе и о таких вещах, которые, казалось бы, не имеют к его заболеванию никакого отношения. Да и само слово «заболевание» не всегда уместно в практике психоанализа и смежных с ним наук, чаще всего мы имеем дело с некоторыми психологическими состояниями, которые, с точки зрения классической медицины, и не имеют морфологического субстрата, просто в силу каких-то обстоятельств неправильно формируется последовательность раздражений, торможений и систем конденсированного опыта. То есть – вообще полная белиберда, с точки зрения хирурга, который, как известно, «все может, но ничего не знает», и который считает, что человека можно вылечить только что-нибудь у него отрезав. Теперь, Анечка, позволь перейти к теме, которая имеет к нашей проблеме непосредственное отношение, хотя, повторяю, то, что мы затронули, так же имеет к ней отношение, хоть и косвенное. Мне, из твоих уст хотелось бы услышать твою историю. Когда ты поняла, что что-то не так, как ты к этому относилась, что к этому привело? Ничего, что я перешел на «ты»? Но мне кажется, что наша разница в возрасте это позволяет. К тому же, если психоаналитик хочет добиться результата, он должен установить доверительные отношения с пациентом.

– О том, как это случилось, я ничего не могу сказать, – пожала плечами Аня, – просто я практически ничего не помню, что со мной было до восьми лет до определенного момента. Все, что было потом, помню довольно отчетливо, а что до – словно пеленой покрыто.

– Все мы, – сказал Лев Матвеевич, – помним немногую часть событий своей жизни, а до четырех-пяти лет большая их часть практически забывается... хотя, Лев Толстой, кажется, утверждал, что помнил себя младенцем и, якобы, своим криком протестовал, что его пеленают. Впрочем, проверить это невозможно, скорее всего это была мистификация.

– Дело в том, – продолжила свои объяснения Аня, – что все, что со мной происходило я хорошо помню с определенного момента, и момент этот приходится на июль 62 года. Все, что было до того – практически не помню, ну, разве что какие-то фрагменты – да и то, анализируя сейчас, я прихожу к выводу, что о них мне папа с мамой рассказывали, потому мне и кажется, что я их помню. Есть и еще

один момент, его достаточно трудно передать словами адекватно. Это сложное ощущение, и главная его суть в том, что мне все время кажется будто я живу не только здесь, но и еще где-то. Нечто вроде параллельной жизни, которую невозможно увидеть, словно она находится за непрозрачной перегородкой – одни неясные тени и ничего больше. На самом деле это, конечно, не тени а некие ощущения, но описать их адекватно невозможно. Как, иногда, при пробуждении ото сна: увидел что-то причудливое и забыл, хотя точно помнишь, что видел. Иногда эти попытки вспомнить довольно мучительны.

– Ну, и каким же образом ты потеряла память, – продолжал собирать анамнез доктор Левин.

– Об этом я не знала вплоть до недавнего времени, но незадолго до смерти мама рассказала, что меня в восемь лет забрали (как родители согласились, я не знаю) в одну закрытую лабораторию для эксперимента. Якобы я обладала раньше какими-то паранормальными способностями – ну, что-то вроде Вольфа Месинга или Розы Кулешовой, и эти мои способности изучали в лаборатории по изучению парапсихологических феноменов. Где была эта лаборатория, кто забрал и что там происходило, я не помню, в себя пришла я только в больнице, а мама сказала, что они с папой через полтора месяца после того, как меня в эту лабораторию забрали, нашли меня около двери нашей квартиры в совершенно невменяемом состоянии. С той поры всего периода, вплоть до того, как я очнулась в больнице, я не помню, а родители мне ничего не говорили, им, оказывается врачи запретили обо всем этом рассказывать, это, мол, может привести к ухудшению состояния. Об этом мама мне совсем кратко рассказала уже при смерти, а затем в кому впала и умерла.

– И что же за способности были у тебя до восьмилетнего возраста?

– Я этого совершенно не помню, сейчас у меня никаких паранормальных способностей нет, но Юра буквально вчера сказал, что в школе я будто бы сквозь стену проходила, и все это видели, очевидно после этого директор школы и сообщил куда следует. Наверное, тогда мной и заинтересовались... но, опять же, все со слов Юры и мамы, и еще Юра рассказывал, что за год до событий с лабораторией, мы с ним и с мамой были на даче и там что-то вроде полтергей-

ста было, и мама, якобы считала, что это я устроила. Повторяю, все это со слов Юры и мамы, сама я ничего такого не помню, и самой дачи не помню. А потом было все как у всех, ничего выдающегося... разве что... – «Сказать или нет», – мелькнуло в ее голове. Что-то внутри сопротивлялось излишней откровенности, однако она все же решила, что если хочет вернуть себе утраченное, нужно полностью довериться доктору и рассказать о странных видениях, произошедших вчера.

– Разве что вчера, – решилась Аня и выложила то, что с ней произошло вчера. – «Теперь точно в шизофренички запишет» – решила она с каким-то внутренним безразличием. – Вот, собственно и все, возможно вчерашнее как-то связано со смертью мамы, а вообще-то ничего подобного раньше не случалось, по крайней мере в той жизни, которую я помню.

– А когда твой папа умер, ты сказала, что это семь лет назад случилось, ничего такого не припомнишь? – поинтересовался доктор Левин.

– Нет, ничего не припомню, – покачала головой Аня – тогда, кстати, у меня память уже нормально работала.

– Интересно, интересно, – пробормотал Лев Матвеевич, – случай необычный и придется всерьез поломать голову, как разматывать этот узел. Однако конец его, вроде бы, в наличие имеется.

Затем доктор приступил к тестовым вопросам, как показалось Ане, к делу совершенно не относящихся, однако Лев Матвеевич объяснил, что ничего случайного здесь нет, они специально разработаны для того, чтобы выявить скрытые комплексы и связанные с ними системы образов. Далее следовали вопросы о снах и страхах, и Аня, не сумев ничего более интересного поведать, рассказала ему о странном персонаже с неестественной отчетливостью приходящего к ней во снах довольно часто, особенно в последнее время, и даже привидевшийся ей сразу после сна. Впрочем, дало ли это доктору какую-то конкретную информацию, она не поняла, поскольку тот это никак конкретно не прокомментировал.

Затем доктор Левин перешел к Аниной сексуальной сфере – теме, которая всегда приводила девушку в смущение и не только ребенком, правда сейчас ее, пожалуй, больше смущала собственная

инфантильность, все-таки она прекрасно видела, что у ее подруг и знакомых все по-другому. Лев Матвеевич долго выяснял ее ассоциации и страхи на эту тему, хотя напрямую об Аниной сексуальной жизни (вернее, об ее отсутствии) не спрашивал. Его интересовало, волновали ли ее сексуальные отношения родителей, не ревновала ли она маму к папе и наоборот. Не подсматривала ли она за ними или хотя бы не было ли на эту тему мыслей, не замечала ли она в папе какого-то не совсем родительского к ней интереса, не говоря уже о каких-то явных вещах, и не было ли с ее стороны мыслей на этот предмет. Затем он снова перешел на сны, но уже в их сексуальном аспекте, все время пытаясь поймать Аню на каких-то недоговоренностях или явной дезинформации. Как девушке показалось, ему это так и не удалось, но в процессе опроса, ее щеки не раз покрывались румянцем, и не раз от стыда ей хотелось выбежать из кабинета. Впрочем, доктор ее об этом предупреждал. К разочарованию Льва Матвеевича ничего конкретного она сообщить не смогла, в этой сфере ей оказалось присуща полная индифферентность, и удалось ли доктору нащупать какие-то скрытые комплексы, Аня так и не узнала.

Затем Левин перешел на ее взаимоотношения с братом, не было ли у них в детстве не совсем приличных игр с обнажением тех или иных частей тела, соответствующих разговоров, и т.д. и т.п., но и здесь ничего пикантного выявить ему не удалось, при том, что Аня, несмотря на смущение, была вполне искренна, тем более, своей жизни до восьми лет она не помнила, а к тому времени когда память к ней вернулась, Юра, будучи старше ее на шесть лет, уже вовсю интересовался своими школьными подругами. Сфера эта у Ани вообще оказалась весьма заповедной, в том числе в части вполне нормальных отношений с остальной мужской половиной населения, включая и здоровый к ней интерес. Это касалось и конкретных взаимоотношений с мужчинами, и знаний, и внутренних побуждений, тенденций, скрытых комплексов, и случаев, оставивших какие-то следы и воспоминания.

– Странно, – бормотал доктор, – первый раз встречаю девушку, к тому же физически нормально развитую и хорошенькую, у которой сексуальная сфера в ее чувственно-психологическом аспекте слов-

но бы напрочь отсутствует. По крайней мере, не подает признаков присутствия. Старик Фрейд был бы весьма расстроен, поскольку твой случай нанес бы основательный удар по его стройной теории, которая претендовала на всеобъемлемость и истину в последней инстанции. Тем более, что скрытые либо тщательно маскируемые комплексы существуют у самых целомудреннейших особ в любом активном возрасте. Порою даже куда более мощные, чем у «средне-испорченной» женщины. Их практически всегда можно вытащить в сознательную сферу и начать с ними работать. У тебя же налицо случай полной сублимации этой энергии, как говорят индусы, Раджас полностью перешел в Оджас. Но с другой стороны, даже эту, сублимированную энергию, как правило, удастся обнаружить, я же и ее не помню, словно некая часть личности отсутствует.

– И все же, – сказала Аня, чувствуя себя каким-то недоразвитым уродом (оказывается, не заниматься в детстве онанизмом – это чуть ли не уродство), какое отношение мои несуществующие комплексы к отцу и брату, и сны на эту тему имеют к моему случаю, причем здесь амнезия, как вы это называете?

– Как ни странно, самое прямое, – улыбнулся Лев Матвеевич, – очень часто причиной амнезии бывает как раз подобный комплекс или какое-то постыдное – с точки зрения пациента – событие в его жизни, когда моральная сторона его личности, если она достаточно сильна, не может справиться с памятью об этом событии, с мыслями и фантазиями о нем. В ряде случаев, подобно тому, как потеря сознания спасает от боли, – включается определенный механизм самосохранения. Организм, чтобы защититься, уводит проблему далеко в подсознание и человек о ней как бы забывает. Но бывают случаи, когда вместе с проблемой, в закрытые тайники памяти уходит и большая часть жизни, так или иначе связанная с этим комплексом. Когда с помощью специальных приемов удастся вытянуть этот конденсированный опыт наружу, то память восстанавливается, а скрытый комплекс через много лет порой уже выеденного яйца не стоит. То есть при правильном проведении психоанализа, человек переоценивает ценности с отрицательным знаком, и они его уже не ужасают, если он осознает, что нечто подобное случается у очень многих. А иногда бывает и несколько другое, хоть и сходное по механизму,

когда организм пытается уйти от памяти о каком-то насилии, часто протivoестественном – защитная реакция та же. Это происходит не со всеми, но довольно часто, особенно у чувствительных, утонченных особ с хорошо развитыми защитными механизмами психики.

– Не знаю, – сказала Аня, – может по Фрейдy или еще по кому все именно так, но я почему-то уверена, что в моем случае причина совсем другая, и к скрытым комплексам всякого там Эдипа не имеет никакого отношения. Не могу объяснить, почему я в этом уверена, но знаю, что это именно так.

– Может быть, может быть, – задумчиво проговорил доктор, глядя каким-то рассеянным взором поверх Аниной головы, – в конце концов Фрейд не абсолютная истина, хоть и претендовал на нее в свое время. Я согласен с Юнгом, что человек состоит не только из половых органов, хоть и убедился, что они имеют гораздо большее значение в нашей жизни, чем порою кажется, но в твоём случае мне и вправду не удалось выявить скрытых сексуальных комплексов, а следовательно не это причина твоих амнезий, а ведь я убедился, что чуть ли не в 90 случаях из 100 именно она является причиной подобных случаев. Что бы там ни говорила по этому поводу советская наука, как там принято говорить – самая прогрессивная наука в мире, в отличие от загнивающей буржуазной теории Фрейда.

Впрочем, как видно Лев Матвеевич был еще не до конца уверен в своем выводе, поэтому сделал еще одну попытку обнаружить скрытый сексуальный комплекс, связанный с так называемыми инверсионными отклонениями, пытаясь различными коварно поставленными вопросами подловить Аню на интересе к ее подругам, маме, животным, предметам фетиша – различному нижнему белью, а так же на склонности (пусть даже тщательно скрываемой) к эксгибиционизму. Оказалось, что и эта сфера – ни явно, ни косвенно у Ани не давала себя знать ни в ближайшем, ни в более отдаленном прошлом, хотя все же некий романтический комплекс Ассоли давал себя знать. Все же стремление к некой романтической идеальной любви – даже и не к человеку вовсе, а к образу, идеалу выявить ему удалось. Но и этот комплекс, как он объяснил, был у Ани какой-то не типичный и проявлялся как-то не так, как у ее романтических сверстниц и лиц еще более молодого возраста, для которых так же было очень

характерно стремление к идеалу – чаще к популярному певцу или киногерою, являющемуся юной особе в мечтах и грезах в образе прекрасного принца. Таким образом полностью протестировав Ани-ну сексуальную сферу в форме явных и скрытых комплексов, инверсий и систем конденсированного опыта, Лев Матвеевич по сути дела ничего не обнаружил. Иными словами, сфера эта у Ани словно бы отсутствовала вовсе, по крайней мере с помощью специально подобранных опросников, тестовых картинок, фотографий и специальных заданий, которые должны были нащупать скрытые связи и ассоциации нащупать ее не удалось, хотя с фантазией, ассоциативным мышлением и физиологическим развитием у Ани, казалось, все было нормально.

– Надо же, – сокрушался Лев Матвеевич, – похоже, в твоём лице венский аналитик потерпел полное фиаско со своей теорией и методикой. Данный подход не дал никаких результатов. Но не будем отчаиваться, отрицательный результат – тоже результат, попробуем подойти к проблеме с другого конца. Для начала постараемся установить твой психотип и характер взаимоотношений с окружающим. И снова пошли листки тестовых опросов, ассоциации, реакции, подавления. В результате выяснилось, что ни к одному из 12 психотипов, разработанных на основе теории Юнга некой Аушрой Аугустиничуте, Аня не относится, хотя, как утверждал Лев Матвеевич, данная система должна была вроде бы классифицировать всех представителей рода Гомо сапиенс, разделив их на психотипы, которым были присвоены имена известных исторических личностей: Байрон, Гексли, Хемингуэй, Есенин, Жуков и даже модный в те годы Тютанхамон.

– Ну что же, – поник Лев Матвеевич, – тут тоже не за что зацепиться. С виду и при поверхностном анализе ты совершенно обычная девушка, а тесты выдают нечто непонятное, непредусмотренное расшифровкой, либо вообще ничего не выявляют. Словно в твоём лице мы имеем не обычную среднестатистическую особу женского пола девятнадцати лет отроду, а нечто не совсем понятное, утратившее неотъемлемую часть человеческой природы, и местонахождение этой части обнаружить не удастся, а значит и правильную диагностику провести затруднительно. Даже такие тяжелые поврежде-

ния, как insult и опухоль, которые могут уничтожить целые зоны головного мозга не дают такой картины. За шизофрению и МДП – тоже никаких данных. Возможна, конечно, травма в прошлом, но она может объяснить амнезию, зато всего остального не объясняет.

– Но ведь, – сказала Аня, – меня в первую очередь амнезия и беспокоит, остальное-то зачем? Зачем мне, например, знать, Хемингуэй я или Лев Толстой?

– Не все так просто, – развел руками Лев Матвеевич, – чтобы лечить данный конкретный случай надо установить все нюансы и провести полную классификацию личности. Подход в каждом случае индивидуальный и методики вскрытия тайников подсознания напрямую зависят от типа личности. У тебя я не только не сумел обнаружить этот тип, а также локализацию тайников и ключа к ним, но и вообще значительную часть личности, присущую остальным людям не сумел установить, хотя такого быть не может, тем более на вид и в разговоре ты совершенно обычная девушка.

Лев Матвеевич закрыл глаза и начал совершать короткие продольные движения головой, при этом его левая рука словно бы что-то нащупывала в воздухе.

– Ну что, – слезал он минут через десять, конкретные события, приведшие к потере памяти приходятся на июль 62 года, но у этого события были какие-то более ранние истоки, приходящиеся на 1959 и 1960 годы. Но это не начало, корни вообще не в твоей жизни, которая, как я понял, началась 1955 году, а уходят куда-то за твоё рождение. Саму причину мне установить не удалось, хотя обычно на ментале я вижу некие схемы, которые можно расшифровать. К сожалению, эйдетическим видением я не обладаю. Единственно, возникло странное чувство, что до 62 года ты была одной личностью, а после – вроде как другой, вернее не полностью той, что была раньше. С таким я в моей практике не сталкивался, поэтому и прокомментировать не могу. Ты говоришь, что в это время участвовала в каком-то таинственном парапсихологическом эксперименте? Можно было бы предположить, что тебе каким-то препаратом или психотронным устройством стерли не только память, но и часть личности, если бы я не знал, что на сегодняшний день ни таких препаратов, ни таких устройств в мире не существует. То же и в отношении гипноза,

которым непосредственно я занимаюсь: стереть в человеке ничего нельзя, можно лишь спрятать, изолировать, при этом всегда остается возможность подобрать к этому ящичку ключи, и перевести информацию из подсознания в сознание.

– Вообще-то, – сказала Аня, – хоть вспомнить свое пребывание в лаборатории я не могу, однако когда вы говорили насчет психотронного прибора, какое-то ощущение узнавания у меня проскользнуло, возможно, эксперимент действительно был связан с какими-то аппаратами... но опять же, ничего конкретного. Может все же меня как-то напугали или ткнули по голове чем-то?

– Что я могу сказать, – развел руками Лев Матвеевич, – предполагать мы можем что угодно, но достоверно установить это мне не удалось. Ладно, попробуем другой аспект твоей проблемы, хотя, что б ты знала, твоего брата интересовал именно он в первую очередь – вопрос твоих существовавших якобы парапсихологических способностей.

– Так Юру именно это больше всего интересовало? – встрепнулась Аня, – я чувствовала, что он неспроста все затеял, что-то он задумал в отношении меня!

– Не знаю, не знаю, – пожал плечами Лев Матвеевич, – но вообще-то он разговор со мной в отношении тебя начал с того, могу ли я тебе эти утраченные способности вернуть. Я, кстати, на эту тему его не обнадежил, объяснил, что эти феномены почти не изучены и менее всего поддаются воздействию извне. Как ты знаешь, официальная наука вообще отрицает существование парапсихологических – экстрасенсорных, как сейчас модно выражаться феноменов (в 70е термин «экстрасенсорика» только появился в обиходе). Пытаются объяснить их существование случайностью, стечением обстоятельств, мистификацией, а таких ярких представителей данного направления, как Вольф Месинг, Роза Кулешова, Нинель Кулагина, Ванга Димитрова или Ури Геллер вообще стараются обойти стороной, словно их и не существует в природе. А впрочем это проблема скорее идеологического порядка, чем научного, поскольку во все времена на фоне официального отрицания подобной проблемы, которое естественно вытекает из доктрины научного атеизма, существовали и лаборатории, и целые научные отделы, занимающиеся

проблемой паранормальных явлений и изучением людей, обладающих экстрасенсорными способностями. Надо ли говорить, что все исследования происходили под неусыпным оком компетентных органов, и государство выделяло немалые деньги под эти разработки (а вдруг нас Америка обгонит!), всенародно заявляя, что подобных явлений в природе вовсе не существует. Впрочем, все это не надо тебе объяснять, ты ведь, как недавно выяснилось, сама была внештатным сотрудником подобной лаборатории, вот только не помнишь ничего. Я, кстати, когда мне Юра об этом рассказал, параллельно с ним закидывал удочку по своим каналам, что это за лаборатория такая была в шестидесятые годы, существует ли она в настоящее время, и пытался выяснить конкретные фамилии. Похоже, она была настолько засекречена, что на моем уровне связей (а они достаточно высоки), информация о ней недоступна. Не исключено, что она существует и по сей день, иначе не было бы такой непробиваемой завесы секретности.

Теперь, по поводу твоих утраченных способностей, которые так волнуют твоего брата – не знаю, волнуют ли они тебя. Тут я сразу хочу предупредить, что если по вопросам восстановления памяти медицина имеет какие-то наработки, то экстрасенсорные возможности по какой-то причине покинувшие человека по мановению волшебной палочки вернуть невозможно. Однако проявление и развитие их в целом возможно, но лишь после долгого обучения у профессиональных учителей йоги, тайцзыцуань, цигун, а также многих современных школ, так или иначе связанных с магией. Подобное обучение, кстати, небезопасно, требует железной дисциплины, как правило, аскезы и этому, по сути, надо посвятить всю свою жизнь, что редко возможно в условиях современной цивилизации. Другое дело, если налицо врожденный феномен, которому и учиться не надо! Тогда существует вероятность, что твои способности каким-то образом исчезли вместе с твоей памятью, то есть перешли в скрытое, потенциальное состояние. Тогда есть надежда, что их удастся вернуть вместе с возвращением памяти. Как известно, многие дети в той или иной степени обладают сенситивными способностями, но в большинстве случаев утрачивают их в процессе полового созревания. Тогда их либо вообще невозможно восстановить, либо в какой-то

степени можно с помощью специальных техник типа «стрелка из лука», описанных Борисом Сахаровым, и прочих методик из Раджа и Кундалини йоги, но об этом я уже говорил. Однако возвращаясь к твоей теме, судя по тому, что рассказывал Юра, твои способности были уникальны, хотя из дальнейших вопросов я понял, что лично он мало чему был свидетелем, и в основном пересказывал с чужих слов. Разумеется он, как старший брат, не мог в детстве относиться к тебе серьезно, к тому же, как известно, нет пророка в своем отечестве. Ну так вот, тем не менее он говорил, что в твоей школе чуть ли не целый этаж учеников и учителей были свидетелями твоего прохождения сквозь стену. Это действительно в наше время совершенно уникальный дар, я, несмотря на то, что очень серьезно интересуюсь проблемой паранормальных явлений, не припомню ни одного современного достоверного случая прохода через материальный объект. Тем не менее в многочисленных исторических источниках Индии, Тибета и Китая о подобном феномене пишут как не о такой уж большой редкости, и даже в ряде монастырей Тибета и Китая существовали специальные эзотерические школы, где чуть ли не каждого – разумеется в результате тяжелой и сложнейшей тренировки можно было научить проходить сквозь стены. Есть даже достоверные данные, что где-то в толще Великой Китайской стены с помощью рентгеновской аппаратуры обнаружен скелет человека, причем никакой ниши, каверны, которая бы свидетельствовала, что этого человека замуровали, не было. То есть человек проходил сквозь стену и застрял на середине пути, очевидно не в совершенстве освоив технику. Но вернемся к твоему случаю. Уже одной этой способности было бы достаточно, чтобы записать тебя в феномены, однако твой брат утверждал, что у тебя и помимо этого было полно паранормальных сил: и чтение мыслей, и математические действия в уме с огромными цифрами, и что они в тебе нарастали словно снежный ком. И вдруг в одночасье все это пропало и не разу не проявилось за всю твою последующую жизнь. Это очень странно, у детей подобные феномены гаснут постепенно, и у нас есть надежда, что каким-то образом эти твои качества можно вернуть в процессе возврата памяти. Все это я рассказал твоему брату, после чего его также стал волновать вопрос твоей памяти, хотя до того он его вооб-

ще не интересовал.

– Я так и предполагала, – кивнула головой Аня, – я даже ему об этом намекнула, сказала, что он меня собирается за деньги на базаре показывать. Разумеется, на это он только благородно возмутился.

– Ничего по этому поводу не могу сказать, – опустил глаза Лев Матвеевич, – твой Юра очень скрытный человек, хоть и ведет себя, как рубаха-парень, и, разумеется, о себе на уме, но это, по-моему, не порок, иначе в наше время ничего не добьешься.

– Да, – вдруг спохватилась Аня, – а что это вы головой и рукой делали? У меня от этих движений по позвоночнику мурашки начали пробегать, и волны заходили, и вспышки в разных частях тела, и чувство такое, словно все это я знаю и умею, хотя ничего такого сама никогда не делала.

– Надо же, – удивленно покачал головой Лев Матвеевич, – первый раз вижу такую реакцию на стандартное тестирование степени развитости чакрам и шкалы кармических завязок. Обычно никто никак на это не реагирует. Дело в том, Анечка, что я сам в некоторой степени сенс, но рядовой, без каких-либо выдающихся способностей в этой области. Любой человек при определенной тренировке по специальным методикам может стать сенсом. Я регулярно посещаю сенситивные тусовки на Фурманном, там специальные семинары проводятся по самым разнообразным паранормальным проблемам, и есть возможность обменяться опытом. Называется этот центр обществом биоэлектроники, но это специально такое название дали, чтобы не возникало лишних вопросов у властей и общественности. Ну а КГБ все известно, они считают, что у них все под контролем и все сенсы на виду – их штатные сотрудники периодически эти семинары посещают под видом частных лиц, но, как правило, кто это – всем известно. Так что многие приемы я взял оттуда для своих профессиональных целей. Ты первый человек, который сказал, что телом ощущает мои пассы, да еще в такой выраженной степени, так что я не обольщаюсь по поводу своих возможностей. Ну, а что касается твоих дежавю – ты же говорила, что они и раньше у тебя возникали, а если ты и вправду была сенсом, то все это должно быть тебе хорошо знакомо.

– Но ведь я этого не помню!

– Ну и что, тело, возможно помнит, хотя обычно дети с ярко выраженным парапсихологическим даром – так называемые «индиго», не знают специальных техник, все у них спонтанно происходит. Что ж, это обнадеживает, попробуем твои цифровые характеристики посмотреть и гороскоп составить, может это на какие-то мысли на толкнет.

Лев Матвеевич достал из стола какие-то трафареты, изготовленные типографским способом, и начал выяснять Анины исходные данные, как-то: фамилия, имя, отчество, год, месяц, число, часы и минуты рождения, затем те же данные мамы, папы и брата, при этом, разумеется, касаясь часов и минут Аня ничего не могла сказать. После этого Лев Матвеевич начал составлять сначала один, маленький график, а затем другой, большой, с кругами, секторами и причудливыми значками, о которых Аня знала, что это знаки зодиака (напомним, что астрология в те годы была весьма экзотической птицей в Советском Союзе).

– Странно, странно, – бормотал доктор, – рассматривая то, что у него получилось, – везде двойные дома, словно речь действительно идет о двух разных личностях, при этом одна обычная, а другая какая-то древняя, с полностью проработанной небесной программой, которая за второй словно за маской прячется. Очень странный график. Если иметь в виду конкретную девушку, которая сидит передо мной, то этого неба не заметно вовсе. Выходит, то, что я вижу – ненастоящее, иллюзорное, а то, что нащупать не удастся – как раз наоборот, базис.

– Ну и что вы тут нарисовали, – поинтересовалась Аня, тупо разглядывая затейливые графики, – я тут ничего не понимаю.

– Если не понимаешь, то и бесполезно объяснять, для этого нужно, чтоб ты была знакома с принципами нумерологии и астрологии. А по поводу выводов – они что ли подтверждают то, на что я намекал тебе – с этим я сталкиваюсь впервые – словно какая-то вторая твоя половинка, причем, духовно проработанная, совершенная, небесная – что это такое в двух словах не объяснишь – куда-то подевалась и следов ее не видно. А то что осталось каким-то образом завуалировано под цельную личность. В общем, нечто необычное, но сразу в глаза не бросающееся, и если бы я не знал о твоём славном

паранормальном прошлом, я бы решил, что это какой-то артефакт, погрешность, ведь и в разговоре и на вид ты совершенно обычная, нормальная среднестатистическая девушка, и никаких данных за серьезную психическую патологию тоже нет. Поэтому для твоих вчерашних галлюцинаций вроде бы никаких серьезных оснований нет, по крайней мере, предварительные тесты ничего не выявляют. Вырисовываются только некие метафизические причины, которых, с точки зрения официально принятой науки, вообще не существует, поэтому мне, честно говоря, не ясно, почему у тебя эти галлюцинации возникли. Логично предположить, что все это результат твоей основной проблемы с памятью, но почему ничего такого раньше не было? Не ясно, к тому же пока у нас мало данных. Можно, конечно, подтвердить твое предположение, что это так люминал на тебя подействовал и смерть мамы, но. Положа руку на сердце, полной уверенности у меня в этом нет – барбитураты не вызывают галлюцинаций. Итак, все, что удалось выявить, звучит очень ненаучно: у тебя куда-то подевалась таинственная половинка, которая под шумок унесла твою память и сексуальную сферу. Звучит таинственно и весело, но с точки зрения науки – абсурдно. С какой стороны подойти к решению данной проблемы – пока тоже неясно. Предлагаю попробовать гипноз, возможно он даст нам какую-то новую информацию, ну и потом с помощью него можно воздействовать на подсознание.

– А это обязательно? – робко спросила Аня. Она никогда раньше (по крайней мере не помнила) не подвергалась гипнозу и ее одолевала естественная робость.

– Конечно, – пожал плечами доктор, – любой человек вправе отказать, но, боюсь, пока что я вижу только один способ, который может принести нам конкретную информацию. Если же нам удастся разобраться с причинами, то с помощью гипноза мы постараемся добраться до твоего подсознания, где заблокирована скрытая система конденсированного опыта. Впрочем, в дальнейшем и на тебе самой будет немалая работа – метод психоанализа подразумевает прежде всего активную работу самого пациента – вместо капельниц инсулинового шока и таблеток горстями. Ты можешь не бояться, – усмехнулся доктор Левин, – во-первых это не больно, а во-вторых ты ничего не будешь помнить. Кстати, еще надо проверить, подда-

ешься ли ты гипнозу в принципе.

Лев Матвеевич велел Ане переплести пальцы перед собой, затем попросил ее внимательно за ним следить и совершая пассы руками и монотонно описывая, как веки тяжелеют и тело наливается свинцом, изрядно вогнал Аню в состояние сонливости. Затем произнес:

– Сейчас я начну обратный отсчет, а когда произнесу «один», – ты начнешь расцеплять пальцы: десять, девять, восемь – пальцы наливаются свинцом... семь, шесть, пять... ты не можешь их расцепить... четыре, три, один...

На счет «один» Аня сделала усилие, и тут оказалось, что пальцы ее не слушаются и она не может их расцепить.

– Не получается, – сказала она испуганно, – а это пройдет?

Лев Матвеевич снова заставил ее расслабиться, – затем отсчитал от одного до десяти и произнес: «Блок снят», – после чего Аня легко расцепила руки.

– Ну вот, – удовлетворенно произнес доктор, – гипнозу ты поддаешься, теперь попробуем вести тебя в более глубокую, сомнамбулическую фазу, и прогуляемся во времени назад, тем более время, когда с тобой случилось нечто, чего мы не знаем, нам вроде бы известно. Ты все увидишь сама, расскажешь мне это (под гипнозом), а я постараюсь взломать этот ящик в подсознании, где, как мы полагаем, спрятана часть твоей личности. Скорее всего сеансы придется повторить, если будет какой-то успех, сколько раз – пока не знаю. Все, что произойдет под гипнозом, ты помнить не будешь, а память о твоей забытой жизни вернется либо сразу, либо постепенно. Готова? Ну, поехали.

На этот раз Лев Матвеевич достал из стола круглую пластинку на стержне, на которой была изображена красивая разноцветная спираль, включил тихую умиротворяющую музыку, навивающую сонливость и начал вращать эту пластинку напротив Аниного лица, повторяя известную гипнотическую формулу: твои руки, ноги, все тело наливаются приятной тяжестью, веки тяжелеют... и так далее, в том же духе – очевидно конкретные слова имели здесь второстепенное значение. Вскоре тело девушки и вправду стало наливаться приятной тяжестью, в ушах запели миллионы сверчков, которые все настойчивее перекрывали звуки доносившиеся извне. Затем голос

доктора не то чтобы пропал, но словно бы ушел на периферию ее сознания, отдаваясь в голове гулким эхо, разлетающимся на части, и смысла в этих словах она уже не могла осознать, словно смысл вместе со звуком разлетелся осколками, взорвавшейся гранаты. Вскоре тяжесть неожиданно сменилась легкостью и Аня почувствовала, что взлетает.

«Как это возможно? – мелькнуло в ее сонном сознании, – сейчас я ударюсь головой о потолок...» – однако никаких ударов в первый момент не последовало и она только успела отметить, что стала уже кем-то или чем-то другим, чем была до сего мгновения.

Аня открыла глаза, но ее окружала темнота («только что же было светло!» – пробивались к ее сознанию крупинцы той, прежней Ани), и в этой густой, липкой темноте она ощущала себя невесомой прозрачной линией, ползущей вдоль стены, которую она вроде бы и не видела и не осязала, но воспринимала каким-то другим чувством.

«Как-то по-другому я свое тело ощущаю, – продолжали лениво шевелиться в ее душе остатки здравого смысла, – к тому же оно стало легче воздуха...» – однако какого-то восторга по этому поводу не было, – хотя, разве не об этом мечтала она в детстве, глядя на синее небо и фигурные кучевые облака – при этом мысль о том, что тело ее осталось на кресле, а в воздух поднялась какая-то другая ее часть, которая путешествует во сне, почему-то не приходила ей в голову. Тут Аня ударилась наконец спиной и головой об люстру («вот они, телесные ощущения!»), и в этот момент включилось зрение, в помещении, где она находилась, сделалось светло, но все пропорции внешнего мира претерпели принципиальные изменения. Правда, осознала она это чуть позже, а вначале внимание ее привлек плафон люстры, вблизи которого она вдруг очутилась. Видела она его очень отчетливо, ощущала его гладкую поверхность и даже отметила, что плафон Бог знает сколько не протирался и там лежит толстый слой пыли, от которой она, наверное, сейчас начнет чихать. Правда, почему-то не чихала. Тем временем, плафон как-то незаметно увеличился в размерах – вот уже это не люстра, а какой-то громадный прожектор, вот только лампочка оказалась где-то далеко-далеко и почему-то очень плохо освещает помещение. Ей захотелось продвигнуться дальше, внутрь плафона, полететь на этот неяркий, но маня-

щий свет, но тут, почему-то, она вспомнила о свече и мотыльках и испугалась опалить свои крылышки.

«Я же теперь умею летать, – думала Аня, – у меня наверняка есть нежные и хрупкие крылышки, и если я их сейчас не вижу, то это не значит, что их нет. Наверняка их очень просто опалить, и тогда я упаду на землю».

Мысль о падении заставила посмотреть ее вниз, и тут выяснилось, что низ этот где-то там, очень далеко, как если бы она зависла под самым нефом какого-то гигантского храма – почему-то ассоциации были связаны именно с храмом, хоть вроде бы о нем ничто не напоминало, а там, внизу, были еле видны и стол, и стулья, и фигуры сверху: одна вроде бы сидела на кресле, а вторая стояла перед ней, но кто это были такие она не могла разобрать. Стены же представляли собой какие-то высоченные конструкции, словно бы выполненные из разноцветных блоков, заполняющих огромные ячейки.

«Что это? – лениво подумала Аня, – стройка какая-то, а эти ячейки – строительные леса? Интересно, что здесь строят? Словно бы небоскребы какие-то впритык друг к другу поставили... вернее не небоскребы, а их каркасы, которые предстоит еще заполнить всякими бетонными конструкциями и тонированными стеклами. Странно, я думала, что в церкви нахожусь, но это, конечно, не так, это стройка... строительство небоскребов. Но почему я тогда не под открытым небом? И что это за гигантская светящаяся конструкция на уровне моего лица? – (что это обычный плафон она уже забыла, да и форму люстра приняла невообразимую) – словно хрустальные новогодние шары ожили и составили невообразимую гроздь, а под ней какой-то сияющий, но совершенно непрозрачный купол, причем ноздреватый, словно гигантский кус голландского сыра. Да, таким сыром, наверное, всех мышей земли можно накормить, правда сама я сыр не люблю, да и есть совершенно не хочется».

Неожиданно сонливое вялое состояние Ани сменилось бодростью и озорным восторгом. Как она здесь очутилась, кем является теперь, она не думала, почему-то главной ее мыслью теперь была мысль, что она, оказывается, летающий человек, и в этом ее основная черта, при этом не было чувства, что этот дар она обрела только сейчас, это ее давнишнее свойство, и все ее знакомые из этого мира

хорошо об этом знают. Кстати, а какие это знакомые, и какой она имела в виду мир? Сейчас она этого припомнить не могла, но была уверена, что если они в скором времени здесь появятся, то она их несомненно узнает и с удовольствием продемонстрирует свое воздушное искусство, хотя, зачем именно это нужно демонстрировать, если им это и так хорошо известно, она понять не могла. Мысль о том, что она наконец вспомнила то, что забыла, что она, оказывается, летающий человек, вызвала в ней прилив восторга. Аня отлетела к краю купола и зачем-то начала бегать по вертикальной поверхности стены по периметру купола, представлявшего теперь, как ей казалось, гигантскую, разрезанную продольно головку пористого сыра, из центра которой свешивалась нелепая веселая конструкция из больших и маленьких новогодних шаров, празднично перевивающихся разноцветными огнями толи от неведомого источника света посередине, толи от собственных лампочек вставленных внутрь. Затем, оторвавшись от стены, она, каким-то образом нащупала прямо в воздухе невидимую опору и начала раскачиваться на ней, словно на подкидной доске. Вскоре устойчивость ее по какой-то причине стала нарушаться, она почувствовала, что в природе все-таки существует сила тяжести, и хоть Аня и не полетела вниз со скоростью $\text{mg-квadrat}/2$, однако удерживаться в воздухе ей вдруг стало труднее, и силы ее, в том числе и те, которые удерживали ее в воздухе по какой-то причине начали убывать. Тут только она заметила, что из нескольких «сырных дыр» в куполе Нефа (а может это был уже и не Неф) на нее уставились некие странные создания (именно «уставились», хотя никаких глаз у этих созданий вроде бы не было, однако чувство тяжелого отупляющего взгляда из нескольких источников Аня ощущала вполне отчетливо). Было даже не ясно, представители это флоры или фауны, поскольку напоминали эти несколько существ огромные репы с колючками в разные стороны – не в растения, а лишь головки, и тем не менее у каждого Аня разглядела что-то вроде подвижного маленького голого хвостика, острых розовых ушек, а также нежные маленькие голые лапки, как у новорожденных крысят. Вначале эти полурастения едва выглядывали из сырных дырочек, но по мере того, как Анина тревога росла, а силы уменьшались, они высовывались все смелее, пока не оказались сна-

ружи купола, без труда удерживаясь на потолке, словно насекомые или ящерица-геккон.

«Что же это такое и что им надо? – подумала Аня, чувствуя все более и более нарастающую тревогу, – как-то это не похоже на тех знакомых о которых я думала, это явно какие-то паразиты, и, похоже, они мою энергию пьют. Если так будет продолжаться, то я на землю свалюсь».

– Эй, что вам надо?! – крикнула она странным репейникам, которые вначале, казалось, такие осторожные и испуганные едва высовывались из своих норок, а теперь, словно сытые мухи на солнышке, лениво ползали по потолку и, казалось, излучали самодовольство и наглую самоуверенность. Тем не менее, своего занятия они не прекращали и Аня же все больше и больше ощущала себя воздушным шариком, из которого через узенькую дырочку выходит воздух. Медленно, но неотвратно девушка начала проваливаться вниз, и этот пока совершенно безопасный спуск тополиного пуха почему-то отозвался в ее сердце паникой, хотя при такой скорости падения разбиться ей вроде бы не грозило (Ане продолжало казаться, что она летает в своем физическом теле, поскольку ни о каком астральном теле понятия не имела), и паника эта была связана с тем, что кто-то или что-то неведомое отнимает у нее ее законное право летать.

Стараясь удержаться в воздухе, Аня начала отчаянно махать руками и ногами, словно утопающий, и эти ее действия привели к тому, что она вновь подлетела к высоченной стене нефа и стала цепляться за ее неровную поверхность. Однако эта поверхность так же потеряла плотность и стала плыть под руками, словно оплавляющийся воск. Так она и съезжала вниз не в силах найти опору, пока вдруг над ней не развернулась гигантская арка, которой она раньше не замечала, и на дуге этой арки свисали вниз темные трубы на толстых канатах. Сколько их было, Аня не смогла сосчитать, ей показалось, что там целый лес металлических труб, за одну из них она судорожно зацепилась, и в этот момент почувствовала, что вроде бы ухватилась за твердую опору и перестала сползать вниз, правда труба эта и ее окружающие начали постепенно раскачиваться, хотя по идее такие громадины вряд ли могли быть сдвинуты массой Аниного тела, скорее их раскачивал невесть откуда взявшийся ветер, который Аня